

Красавица и чудовище

Автор:

Оливия Дрейк

Красавица и чудовище

Оливия Дрейк

Сестринство «Золушка» #4Шарм (АСТ)

На смертном одре ученый сэра Сеймура Джонса взял с юной дочери Беллы обещание исполнить его последнюю волю: отыскать, вместе с герцогом Эйлуином, таинственные сокровища египетских фараонов и разделить их пополам. Но сделать это будет нелегко. Во-первых, путь к сокровищам указывает давно утраченная загадочная карта, которую еще предстоит найти. А во-вторых, прославленный египтолог и холостяк герцог Эйлуин знать не желает Беллу, самым несправедливым образом видя в ней очередную охотницу на богатых мужей. Как девушке убедить титулованного грубияна, что она вовсе не претендует на его руку? С каждым днем охоты за сокровищами сделать это все труднее, ведь Белла, сама того не замечая, влюбляется в мужественного и бесстрашного герцога...

Оливия Дрейк

Красавица и чудовище

Роман

Olivia Drake

Bella and the Beast

© Olivia Drake, 2015

© Перевод. Д. Келер, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Клариссе, графине Милфорд, был отчаянно нужен какой-то план.

Сидя за завтраком, леди Милфорд намазывала маслом кусочек тоста и размышляла об этой проблеме. Она поднялась из самых низов. Ей повезло выйти замуж за графа. Потом, будучи молодой вдовой, Кларисса с головой ушла в скандальный роман с принцем. Графиня жила полной жизнью и по праву считалась самой знатной свахой в лондонском обществе. И вот теперь самым ее заветным желанием было подарить шанс на счастье и другим женщинам.

Кларисса потянулась за утренней газетой. Перелистнув страницы, она добралась до колонки светской хроники и проглядела список имен известных дебютанток, побывавших вчера вечером на балу. Однако эти избалованные девушки не вызвали у нее никакого интереса.

Графиня надеялась наткнуться на упоминание о скромной дуэнье или компаньонке, не имеющей за душой ни гроша. Такие женщины были забыты обществом, их слишком часто игнорировали, плохо к ним относились. Они были обречены остаться старыми девами и прожить в одиночестве до самой смерти.

Без сомнения, должна была быть хотя бы одна такая женщина, которой нужна сваха.

Вот уже несколько недель после открытия светского сезона Кларисса безуспешно искала подходящую девушку. Было несколько вроде бы подходящих

ей вариантов, но ни один из них не казался идеальным. Ни одна из этих девушек не вызвала желания ей помочь. Ни одной из них Клариссе не захотелось одолжить волшебные гранатовые туфельки.

Изучая светскую хронику, Кларисса отхлебывала чай со сливками из голубой фарфоровой чашки. В конце концов, поняв, что ничего интересного она не найдет, женщина отложила газету. В этот момент в столовую вошел Харгроув, ее дворецкий. Он был типичным представителем своей профессии – черный фрак, белоснежные перчатки, коротко подстриженные седые волосы. Его лицо с резкими, мужественными чертами было непроницаемым.

Кларисса поставила чашку на стол и взглянула на него с большим интересом. Этот человек никогда не беспокоил ее за завтраком, если у него не было веской причины.

Харгроув подошел к накрытому столу и почтительно склонил голову.

– Мадам, та, кого вы искали, вернулась в Англию, – сообщил он.

Кларисса недоуменно посмотрела на него. Харгроув, как обычно, был немногословен, поэтому ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл его сообщения. От волнения по коже Клариссы побежали мурашки. Отодвинув стул, она встала.

– Изабелла Джонс? Вы уверены, что это именно она?

– Абсолютно. – Харгроув шагнул к графине и подал ей сложенный листок. – Прибыло из Оксфорда десять минут назад, мадам.

Красная восковая печать оказалась сломана, потому что письмо было адресовано Харгроуву. Дешевая бумага была грубой на ощупь. Развернув листок, Кларисса пробежала глазами написанное убористым почерком письмо, и на ее губах появилась радостная улыбка.

– В высшей степени невероятно, – промолвила она, возвращая письмо дворецкому. – Мисс Джонс провела за границей бо?льшую часть своей жизни. И вот теперь она вернулась, и несмотря на свой уже немолодой возраст она все

еще не замужем... Что ж, должна признаться, я и представить себе не могла, что ваши поиски будут столь плодотворными. И быстрыми.

– Возможно, некоторые вещи предопределены, миледи, – проговорил дворецкий.

Уже не в первый раз Кларисса задумалась, не знает ли Харгроув больше, чем показывает. Несмотря на то что он был самым верным из ее слуг, Кларисса так и не рассказала ему о мистической силе гранатовых туфелек. Эту тайну ей доверили давным-давно, когда Кларисса была осиротевшей девчонкой, которую лишила наследства богатая мачеха и высмеивали две сводные сестры. В самую горькую пору своей жизни, после смерти любимого папы, изгнанная на кухню Кларисса пожалела старую цыганку, которая пришла к задней двери просить милостыню. Она принесла нищенке горячей еды, и та в знак благодарности подарила ей восхитительные туфельки, вышитые бисером. Туфельки могли подойти только девушке, достойной истинной любви.

Встав из-за стола, Кларисса проскользнула к высокому окну, выходящему на улицу. Несколько мгновений она смотрела на экипажи и прохожих, а потом вновь повернулась к дворецкому.

– У меня есть для вас еще одно поручение, – сказала она. – Оно потребует значительной деликатности. Нужно убедить герцога Эйлуина в том, что ему отчаянно нужен помощник. Разумеется, действовать следует очень тактично.

– Займусь этим немедленно, мадам.

Харгроув с поклоном вышел из столовой. Кларисса знала, что может положиться на дворецкого в этом деле. У него была обширная сеть контактов, которой мог бы позавидовать лучший шпион короны. Впрочем, это и было его призванием во время Наполеоновских войн.

Кларисса снова подумала о том, как приятно бывает получить нежданную новость. Наконец-то она нашла подходящую жену для нелюдимого герцога Эйлуина. Женщину, которая побудит его отказаться от звериного обличья и вернуться в мир живых.

По крайней мере, графиня на это надеялась.

Но подойдут ли ей туфельки? Станет ли мисс Изабелла Джонс новым членом Сестричества Золушки?

Клариссе не терпелось выяснить это.

Глава 2

Белла Джонс остановилась, чтобы прочесть небольшое объявление, выставленное в витрине магазина одежды в Оксфорде. Она брела по оживленной улице, не глядя на модные платья, выставленные в витринах, потому что вся эта роскошь была ей не по карману. И вдруг ее внимание привлек белый картонный квадратик в нижнем углу окна: «ТРЕБУЕТСЯ ПОРТНИХА. ОПЫТ НЕОБХОДИМ».

Ее сердце подскочило от радости. Белла отчаянно нуждалась в заработке, чтобы вырастить брата и сестру. Она пыталась найти место домашнего учителя, но все ее расспросы ни к чему не привели. В этом университетском городке было полно мужчин, имевших ученые степени в области естественных наук, математики и литературы. Никто здесь не возьмет на работу женщину, образование которой сводилось к изучению древних текстов во время ее путешествий с отцом по чужим странам. Никому не нужна женщина, говорящая на фарси как урожденная персиянка или способная наизусть читать длинные отрывки из древнеиндийского эпоса «Рамаяна» на хинди[1 - На самом деле «Рамаяна» написана на санскрите, который оказал глубокое влияние на хинди. (Здесь и далее примеч. перев.)].

Папа умер год назад в Персии, оставив после себя трех осиротевших детей, коттедж в далеком Оксфорде и... обещание огромного богатства, превосходившего самое безумное воображение. Итак, Белла наскребла денег на билет в Англию. Они с братом и сестрой покинули свою крохотную хижину в горах, проехали с караваном мулов месопотамские пустыни и прошли под парусами, казалось, с полмира, чтобы выполнить последнюю просьбу своего отца.

«Вернитесь в Оксфорд, – прошептал находившийся на смертном одре отец, сжимая ее руку. – Обещай мне... Разущи Эйлуина... Найди карту... Ты владеешь

половиной... сокровищ фараона».

Охваченную горем и тревогой Беллу поддерживали воображаемые картины золота и драгоценностей. Она была полна решимости найти мистера Эйлуина, расспросить его о карте и потребовать папину часть сокровищ фараона. И тогда она сбросит с себя гнет бедности. Ей больше не придется беспокоиться о деньгах на еду, одежду, книги и дюжину других домашних расходов.

Они приехали месяц назад, и Белла сразу стала наводить справки среди жителей Оксфорда. Она задавала вопросы почтальону, мяснику и викарию. Но никто даже не слышал о человеке по имени мистер Эйлуин, так что в конце концов она была вынуждена сделать вывод, что папа, должно быть, бессвязно бредил. Причиной тому стала сильная лихорадка, которая и унесла его жизнь.

Их путешествие в Англию оказалось бессмысленным.

Не было никакого мистера Эйлуина. Карты сокровищ – тоже. И богатства фараона не спасут их от работного дома. Эта горькая правда камнем застряла у нее в горле. С тех пор Белла стала просматривать в газетах объявления о работе. Она сходила на десяток собеседований, но безрезультатно.

И вот она подняла взгляд на золоченую надпись в стеклянной витрине: «МАГАЗИН ФОТЕРГИЛЛА».

Возможно, никто здесь не соблаговолит нанять женщину, понятия не имевшую об английской моде. Один взгляд на ее коричневую юбку с золотой отделкой и малиновую блузку, перехваченную по персидской моде пояском, – и они ощутят презрение к этой иностранной деревенщине.

Белла плотнее закуталась в зеленую вязаную шаль. Черт возьми, да какая разница, как она выглядит, если она в состоянии сделать прямой шов! И уж она точно умеет управляться с иглой, хоть это и довольно утомительно. Разве не она всегда чинила папины рубашки и брюки? Разве не она сшила все до единой вещи для Лейлы и Сайруса, пока сестра не стала достаточно взрослой, чтобы самой взяться за дело?

С этой мыслью Белла толкнула дверь и шагнула в суматошный улей магазина одежды. Гул голосов наполнял зал с высокими потолками. Группы дам роем

перемещались от стола к столу, их кружевные рукава и руки в лайковых перчатках так и порхали над дорогими тканями и роскошными отделками.

Однако несмотря на всю эту суету, в магазине царила аура аристократизма. Ничто здесь не напоминало людные восточные базары. Тут не было горлающих торговцев и торгующихся покупателей, а одетые в черное продавцы своей элегантностью были под стать леди, которых они обслуживали.

Белла сразу ощутила, когда один из работников магазина заметил ее у двери. У этого костлявого продавца были темные глаза-бусинки, сузившиеся, когда их взгляд устремился прямо на нее. А его губы под длинными усами сжались, будто он куснул незрелый гранат. Продавец направился было к ней, но на его пути оказалась какая-то дама, и он с показной улыбкой повернулся к ней, чтобы показать поднос с пуговицами.

У Беллы не было ни малейшего желания оказаться изгнанной из магазина какой-то мелкой сошкой. Ей было нужно найти хозяина.

Опустив голову, Белла проскользнула сквозь толпы покупательниц и направилась к задней двери, которая, без сомнения, вела к кабинетам заведения. От разнообразия чудесных товаров, выставленных на продажу, у нее голова пошла кругом. Как и женщины во всем мире, англичанки любили украшать себя мириадами всевозможных штучек. Здесь были шкатулки с разноцветными бусами, ряды кружев, коллекции страусиных и павлиньих перьев. А выставленные вдоль задней стены рулоны пестрых тканей словно магнитом тянули Беллу к себе.

Тут она и задержалась, будучи не в силах воспротивиться желанию прикоснуться к прозрачному шелку цвета бронзы. Ткань была так легка, что струилась между пальцев, как падающая вода. И тут в ней всколыхнулось какое-то далекое воспоминание. Как-то раз, когда она была еще ребенком, Белла вошла в их хижину и увидела свою мать в платье из похожей ткани. Это драгоценное одеяние во время их странствий хранилось в сундуке. В тот день папы не было дома, он ушел на ночную разведку. Увидев Беллу, мама с грустью заметила, что сегодня годовщина их с отцом свадьбы. Поэтому она и облачилась тогда в свое свадебное платье – единственное, что еще связывало ее с жизнью в Англии.

В горле у Беллы застрял комок. У мамы так и не появилось шанса вернуться в Оксфорд. Она умерла около пятнадцати лет назад вскоре после рождения двойняшек.

– Немедленно уберите руки, – раздался у нее за спиной мужской голос. – Это французский шелк из Парижа.

Уронив ткань, Белла повернулась. Перед ней стоял тот самый человек в черном костюме. Теперь она разглядела, что у него была упругая блестящая кожа, смахивающая на панцирь жука. Когда он презрительно скривил губы, кончики его длинных усов заколыхались, как антенны.

Белла вздернула подбородок.

– Я хочу поговорить с владельцем!

Мужчина приподнял кусок шелка и осмотрел его со всех сторон, словно желая убедиться, что он не испачкан и не порван.

– Я – мистер Фотергилл, и это мое заведение. Вы должны немедленно уйти отсюда. Здесь нет ничего, что вы могли бы себе позволить.

– Я зашла, чтобы разузнать о месте портнихи, – сказала Белла.

Его презрительный взгляд медленно прошелся по ее иностранному платью.

– Это место уже занято, – заявил он.

Он лгал – Белла поняла это по его глазам.

– Но объявление все еще выставлено в витрине, – промолвила она.

– Вы смеете сомневаться в моих словах?! Вон отсюда, немедленно! Цыганкам запрещен вход в это помещение.

Белла напряглась. Даже за границей на цыган смотрели как на обманщиков и воров.

– Сэр, вы ошибаетесь...

Она не договорила, потому что Фотергилл схватил ее за руку, при этом его пальцы впились в нее, как клещи. И без дальнейших разговоров он поволок Беллу к передней двери.

Многие покупательницы оборачивались, шептали или восклицали что-то, некоторые выгибали шеи, чтобы лучше разглядеть зрелище. Одна молоденькая блондинка в розовой шляпке сказала что-то своей подруге, и обе громко рассмеялись. После этого хихиканье волной накрыло зал. Эта волна обрушилась на Беллу, усугубив ее унижение.

Жар жег ей щеки. Во время предыдущих собеседований она замечала некое подозрительное выражение на лицах людей, у которых она искала работу. Казалось, они с опаской относились к женщине в заморском одеянии. Но никто не был так презрителен, как эти надутые аристократки, увидевшие в ней предмет для насмешек, будто она была грязью под их ножками, обутыми в дорогую обувь.

Их смех сильно задел гордость Беллы. А ведь недели страха и переживаний и без того поколебали ее уверенность. Какая-то часть ее существа хотела съежиться от стыда, утонуть в нем. Но в другой ее части – свирепой, первобытной – зародилась бешеная ярость. Эта неистовая сила захлестнула Беллу, как волна огня.

Оказавшись у передней двери, девушка сунула руку в складки платья и вытащила кинжал с рукояткой из слоновой кости. Древнее лезвие выскочило из ножен с металлическим щелчком.

Она прижала кончик острия к подбородку Фотергилла.

– Грязный пес! Немедленно отпусти меня! – выкрикнула Белла.

Владелец магазина замер, оцепенев от страха. Его темные глаза вылезли из орбит. Пальцы, впившиеся в ее руку, ослабили свою хватку.

Покупательницы заохали. Некоторые закричали и отшатнулись, шурша юбками и спотыкаясь.

Чванливое высокомерие Фотергилла исчезло. Его лицо стало мертвенно-бледным. Губы задрожали, отчего его длинные усы затряслись.

- Пож... пожалуйста! - пролепетал он. - Пожалуйста, не... не убивайте меня!

Острие кинжала все еще упиралось в его подбородок. Белла получала удовольствие от его страха. Ей хотелось, чтобы это насекомое корчилось от ужаса. Это послужит доказательством того, что он ничуть не страшнее вора, пробравшегося в ее палатку в пустынях Халдеи, чтобы украсть кошелек.

Того самого, что с воем умчался в ночь, истекая кровью.

Одна из покупательниц, следивших за происходящим, испуганно всхлипнула. Оглядевшись по сторонам, Белла увидела, что дамы смотрят на нее полными ужаса глазами. Она слишком надолго тут задержалась.

- Ладно, на этот раз я пощажу твою жалкую шкуру, - прошипела она. - Но следующая женщина, с которой ты будешь обращаться так же, может оказаться не столь великодушной.

С этими словами Белла вложила кинжал в ножны, висевшие у нее на талии.

Фотергилл отшатнулся в сторону. Схватившись за горло, он осторожно потер его, а затем осмотрел руку, опасаясь увидеть на ней кровь. Убедившись, что крови нет, он выпрямился.

- Мерзкая, грязная цыганка! - завопил он. - Магистрат об этом узнает!

Магистрат...

От одного этого слова по коже Беллы пробежал холодок. Она не могла себе позволить неприятности. Рывком распахнув дверь, девушка выскочила в туманный весенний день и побежала по оживленной улице, огибая домохозяек с корзинами для покупок, преподавателей в черных мантиях, дам, глазевших на витрины магазинов. Где-то у нее за спиной Фотергилл то звал констебля, то умолял кого-нибудь остановить ее.

Некоторые попытались.

Ей удалось увернуться от рук сутулого пожилого рабочего, а потом – от аптекаря в белом фартуке, который вышел из своей аптеки. Остальные пешеходы расступались перед ней. Намереваясь избежать ареста, Белла вылетела на мощеную дорогу, заполненную экипажами, и отскочила от фургона, наполненного большими бочками. Но модный желтый экипаж, быстро приближавшийся к ней, она заметила слишком поздно.

Он едва не сбил ее с ног. Испуганный гнедой затанцевал в сторону. Несмотря на усилия кучера, животное подошло слишком близко к тротуару. Выставленные перед лавкой зеленщика деревянные ящики с грохотом повалились на землю. Фрукты и овощи покатались во все стороны. Торговец выкрикивал проклятья, а незадачливый возница пытался усмирить коня, у которого глаза были полны страха. Прохожие бросились ловить фрукты и овощи. Несколько мальчишек набивали карманы клубникой и апельсинами.

Воспользовавшись неразберихой, Белла затерялась в толпе покупателей. Она уже не бежала, а просто быстро шла, чтобы не привлекать к себе внимания. Свернув за ближайший угол, она проскользнула в переулок и торопливо зашагала к кварталу, обсаженному деревьями.

Тучи – серые, тяжелые, пухлые от непролившегося дождя – нависали прямо над ней. Прохладный воздух пах влагой и угольным дымом. Белла украдкой оглянулась назад, чтобы убедиться, что никто не идет следом за ней. Но на улице было всего несколько человек, и никто не обращал на нее внимания, пока она быстро проходила мимо ряда кирпичных домов.

За домами виднелись каменные постройки университета и высокий остроконечный шпиль церкви Святой Непорочной Девы Марии. Хоть Белла и была новичком в этом суматошном городе, она быстро научилась

ориентироваться тут по этим приметам, чтобы не заблудиться во время поисков работы.

Работа... Она по-прежнему безработная. Выставив себя на посмешище, не лишилась ли она шансов получить место?

Ее бешеный гнев затих, оставив тошнотворное ощущение внизу живота. Она не должна была давать волю ярости. Не должна была выхватывать кинжал и угрожать мистеру Фотергиллу, как бы оскорбительно он себя ни вел. Если ее бросят в тюрьму, как выживут Лейла и Сайрус?

Пятнадцатилетние двойняшки заслуживали шанса продолжить обучение. Нельзя допустить, чтобы они были вынуждены зарабатывать себе на жизнь. Они должны получить официальное образование, которого она была лишена. Белла стала для них единственной матерью, другой они не знали. И она не должна подвести их.

Ее настроение стало еще хуже. Какое-то время ей придется скрываться – на случай, если констеблю все же приказали разыскать ее. Слава богу, Фотергилл не знал ее имени и адреса. А через несколько дней, быть может, она сможет без опаски снова отправиться на поиски работы. Она должна на это надеяться. У нее почти не осталось средств.

Если бы только бормотание папы на смертном одре о сокровищах фараона оказалось правдой! Если бы ей удалось разыскать неуловимого мистера Эйлуина! Тогда ее неприятностям пришел бы конец.

И тут, словно в насмешку над ней, порыв ветра бросил ей в лицо горсть холодных дождевых капель. Белла натянула зеленую шаль на голову. Принимать желаемое за действительное бессмысленно. Сны не наполняют их желудки.

Дождь разошелся, пока она шла по направлению к дому. Хорошо хоть, что у них с сестрой и братом есть крыша над головой. Но здесь их дом, напомнила себе Белла. Папа был баронетом. И в их жилах течет та же английская кровь, что и в жилах тех гадких женщин в магазине.

Белла родилась в Оксфорде двадцать девять лет назад, хоть она и не помнила этот городок. Маленькой девочкой родители увезли ее за границу, чтобы ее папа, сэр Сеймур Джонс, мог удовлетворить свой интерес к древним цивилизациям. Все ее детство они странствовали по чужим землям, искали развалины в джунглях, изучали гигантские статуи, высеченные в горных склонах, исследовали старинные дворцы времен давно забытых империй.

Почти каждый вечер, сидя у костра, мама рассказывала Белле о ее родных краях. Укладывая дочку спать, она описывала мягкие сельские склоны, туманную зелень лесистых холмов, извилистые дороги, на которых можно было увидеть принцессу, ехавшую в золоченой карете, или фею, выглядывавшую из зарослей папоротника. Это привлекало Беллу гораздо больше, чем тюрбаны восточных туземцев или караваны вонючих верблюдов.

Белла дрожала под холодным дождем. Подол ее юбки пропитался водой из луж. Жизнь в Англии не была похожа на волшебную сказку. И хотя окружавшие ее пейзажи с ухоженными полями и стадами кудрявых овец действительно были чудесными, у нее не было времени восхищаться всем этим.

Оказавшись на окраине города, Белла прибавила шагу. Теперь она шла по грязному переулку с маленькими домишками. Белла попыталась поднять себе настроение, воображая, как хорошо было бы провести несколько дней с Лейлой и Сайрусом. Она могла бы помогать им с уроками и домашними делами.

Когда изрытая колеями дорога пропетляла мимо дубовой рощицы, Белла резко остановилась. И заморгала, чтобы стряхнуть с ресниц капли дождя. Прямо перед ней стоял дом, доставшийся ей в наследство от отца. В увитом плющом коттедже было всего две спальни, они располагались на втором этаже, под самой укрытой соломой крышей. Из трубы поднимался дым. В зелени неухоженного сада яркими желтыми вспышками выделялись несколько роз.

Но не это привлекло ее внимание.

Возле садовой калитки стояла самая прекрасная карета, какую Белла когда-либо видела. Дверцы сливочного цвета экипажа украшали золотые завитушки, огромные колеса тоже были позолоченными. На высоких козлах сидел дородный кучер, с полей его высокой черной шляпы капала вода, а в руках он держал

поводья от упряжки, состоящей из четырех белых лошадей. У двери коттеджа под большим черным зонтом стоял на страже лакей в зеленой униформе.

Белла вытаращила глаза. Казалось, карета прикатила сюда прямо из волшебной сказки. Но почему она стоит здесь, перед ее коттеджем? Может, она повернула куда-то не туда? Но почему тогда кучер не спрашивает дорогу у любопытных соседей, выглядывавших из своих дверей?

Кто владелец этого экипажа? Более того, где находится этот уважаемый человек? В карете?

Сердце Беллы дрогнуло. Неужели кто-то из покупательниц модного магазина Фотергилла узнал ее – быть может, она раньше приходила к этой даме на собеседование? Неужто незнакомка приехала отругать Беллу за ее скверное поведение?

Нет, конечно, нет. Она не увидела в магазине знакомых лиц. Тогда кто же еще это может быть?

Возможно, у Сайруса или Лейлы случилась какая-то неприятность? Вдруг они решились пойти в город вопреки приказанию сестры? Лейла обычно следовала правилам, но ее брат любил побродить по окрестностям Оксфорда. Быть может, он забрел на частную территорию? Вдруг именно в это мгновение какой-нибудь королевский вельможа дает ему нагоняй? Негодяй, столь же ужасный и склонный судить других, как Фотергилл?

Пальцы Беллы нащупали рукоятку спрятанного под одеждой кинжала. Шлепая по лужам в своих прочных коротких сапожках, она обогнула карету и поспешила к коттеджу.

Садовая калитка со скрипом распахнулась. Когда Белла по мощеной дорожке побежала к дому, ее юбка зацепилась за куст ежевики. Она наклонилась, чтобы отцепить юбку от колючек, но тут ее шаль соскользнула с головы и упала в грязь. Грязная вода тут же пропитала зеленую пряжу.

Белла скатала испачканную шаль в шар и сунула его под мышку. Стоящий возле двери лакей в белом парике устремил на нее взгляд. И хотя его молодое лицо оставалось безучастным, Белла почувствовала себя обескураженной, ее нервы

были на пределе.

Она подошла к лакею.

– Кто ваш хозяин? – спросила Белла. – Что вы здесь делаете?

– Я не могу ответить вам, мисс. – Шагнув к двери, лакей распахнул ее. А потом замер, как мраморная статуя, ожидая, когда она войдет в коттедж.

Тревога Беллы становилась все сильнее. Ее гость должен быть очень богатым и очень важным, если у него такой сдержанный и вышколенный лакей. Сколько времени Лейла и Сайрус находятся во власти этого незнакомца?

Существовал единственный способ выяснить это.

Глава 3

Белла вошла в коттедж, и вместе с ней в крохотную прихожую проник дождливый полумрак. Впереди была узкая лестница, за ней – коридор, ведущий в кухню. В подсвечнике мерцала горящая свеча.

Белла поспешно повесила шаль на крючок. За открытой дверью слева от себя она увидела заваленный книгами обеденный стол, как будто двойняшек внезапно оторвали от занятий. В трех деревянных ящиках, составленных в углу, хранились научные труды ее отца. Справа от Беллы был вход в гостиную, где они с братом и сестрой собирались вечерами, чтобы почитать вслух или повторить уроки.

Приглушенный гул голосов из гостиной повлек Беллу в этом направлении. Положив пальцы на кинжал в ножнах, она остановилась в дверном проеме. В каменном очаге шипел огонь, согревая комнату с беспорядочно расставленными стульями и столами. Стены украшали потемневшие от времени пейзажи.

Когда они приехали сюда, в коттедже царила атмосфера запущенности. Лейла и Сайрус вытащили на улицу огромный турецкий ковер, чтобы выбить из него

четвертьвековую пыль, а Белла отскребла каждый дюйм каменного пола.

Они распахнули окна, смахнули паутины, проветрили соломенные тюфяки в верхних спальнях и до блеска отполировали книжные шкафы, стоявшие по бокам от камина. Они мыли и драили дом до тех пор, пока он не наполнился свежим запахом пчелиного воска и щелочного мыла.

Но сегодня к этому запаху прибавился легкий аромат цветочных духов.

Белла обвела взглядом комнату. В одном углу из неразличимой прорехи в крыше в таз медленно капала вода. Буль, буль, буль... И тут она увидела гостью.

За маленьким письменным столом, на стуле с прямой спинкой, как королева на троне, сидела дама. Темно-красное платье, отделанное кружевами, облегло ее стройную фигуру. Она повернулась, чтобы посмотреть на Беллу. Ее нежное и красивое лицо обрамлял элегантный капор, которым были укрыты ее угольно-черные волосы. Она была немолода, однако ее возраст определить было невозможно, так как ее кожа сохранила гладкость и сияние.

Пленительная улыбка осветила лицо гостьи. У нее были темно-фиолетовые глаза и изогнутые черные брови, и Белла, несмотря на беспокойство, почувствовала себя замороженной. Она не могла отвести от незнакомки глаз. За всю свою жизнь она не встречала более прекрасной женщины.

– Белла! Ты так рано вернулась домой!

Голос ее брата разрушил чары. Моргнув, Белла увидела стоявшего возле стола Сайруса с пером в одной руке и перочинным ножом – в другой. Помогите ей, господи, она вначале даже не заметила брата! Его рыжеватые волосы были взъерошены, а плечи под просторной рубахой ссутулились, потому что он никак не мог свыкнуться с тем, что так сильно вырос за последнее время и стал выше своих сестер. Бывало, что собственная нескладность портила ему настроение.

Однако сегодня Сайрус казался не столько мрачным, сколько возбужденным, и тревога, сжимавшая сердце Беллы, слегка ослабла. Может ли быть, что они с Лейлой все-таки не нарвались на неприятности?

Белла вопросительно посмотрела на него:

– Что тут происходит, мой хороший?

– Леди Милфорд собиралась написать тебе записку, – запинаясь, ответил Сайрус. – И я точил для нее перо. Она приехала из Лондона, чтобы повидать нас. Ты видела ее карету? – Он посмотрел в окно, его мальчишеское лицо сияло от возбуждения. – Разве это не потрясающе?

– Да уж... – Поскольку гостя, похоже, не представляла видимой опасности, пальцы Беллы отпустили спрятанный кинжал. Тем не менее ее не оставляли подозрения касательно элегантной незнакомки. – Я не понимаю... Леди Милфорд, откуда вы нас знаете? Зачем вы пришли сюда?

Женщина встала из-за стола и заскользила вперед, шурша шелком.

– В свое время я отвечу на все ваши вопросы. Ну а пока я надеюсь, что вы простите мое вторжение. Вы, должно быть, мисс Изабелла Джонс?

Белла нахмурилась. Никто и никогда не называл ее данным при крещении полным именем. Где эта леди могла услышать его?

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Беллой, – сухо отозвалась она.

Леди Милфорд грациозно кивнула.

– Как пожелаете. Смее ли я сказать, мисс Белла Джонс, что я рада наконец-то познакомиться с вами?

Женщина протянула Белле тонкую руку для рукопожатия. Та украдкой вытерла пальцы о юбку, прежде чем пожать эту безупречную руку в лайковой перчатке. Она остро ощущала контраст между ними: такая ухоженная леди Милфорд и она сама с растрепанными волосами и в промокшем под дождем заморском платье с пояском.

Белла вздернула подбородок.

– Почему «наконец-то»? – спросила она.

– Я была знакома с вашим отцом, сэром Сеймуром, это было давным-давно, еще до того, как ваша семья уехала из Англии. – Уголки рта леди Милфорд опустились. – Сэр Сайрус сообщил мне, что ваш отец скончался несколько месяцев назад. Прошу вас принять мои искренние соболезнования.

Белла неуверенно склонила голову в знак признательности за сочувствие. Как странно слышать, что ее брата называют сэром Сайрусом! А ведь тот унаследовал титул баронета. И все же ситуация казалась довольно странной. Что общего могло быть у ее ученого отца с этой ветреной женщиной?

– А как вы познакомились с папой? – поинтересовалась Белла.

– Через нашего общего друга...

Не успела леди Милфорд рассказать об их знакомстве или объяснить цель ее приезда в Оксфорд, как к ним присоединилась сестра Беллы.

Лейла грациозно вошла в комнату, держа в руках большой чайный поднос. Она так походила на хорошенькую англичанку, что Белла ощутила прилив гордости. В отличие от Беллы, у Лейлы было природное чутье на моду. Она умело управлялась с иголками и перешила все свои национальные одеяния в платья, которые не показались бы неуместными в магазине Фотергилла. Сегодня на ней было небесно-голубое хлопковое платье с блестками, подчеркивавшее ее тонкую талию. Ее золотисто-русые волосы были перехвачены голубой лентой в цвет глаз.

Восхищенно глядя на их гостью, Лейла оживленно произнесла:

– Прошу прощения, миледи, но вода так долго закипает.

Она поставила поднос на стол у камина, а затем ошеломленно посмотрела на старшую сестру.

– Боже мой, Белла! Ты же вымокла насквозь! Пойдем наверх, я помогу тебе переодеться.

Белла провела рукой по мокрым русым волосам. Одна ее половина – тщеславная – рвалась привести себя в порядок, но другая – гордая – противилась желанию соответствовать стандартам знатной гостьи. До конца не прошедшая после происшествия в магазине злость заставляла Беллу упираться еще больше.

– Я сяду у очага, – заявила она, – и моя одежда быстро высохнет.

– Но ты же простудишься, – заспорила Лейла. – Я уверена, что ее светлость не будет возражать против того, чтобы мы вышли на несколько минут. А Сайрус составит ей компанию.

– Я с радостью сделаю это, – заверил ее брат, приближаясь к столу и бросая жадный взгляд на содержимое чайного подноса.

– Не надо, мой золотой, со мной все хорошо, – твердо сказала Белла, предостерегающе взглянув на сестру. Она подошла к их лучшему стулу – единственному без проеденных молью дырок на вышитом сиденье – и жестом пригласила гостью сесть:

– Леди Милфорд, садитесь, пожалуйста. Лейла, будь добра, налей нам чаю.

Девушка недовольно оттопырила нижнюю губу, но послушно взяла розовый фарфоровый чайник и принялась наполнять чашки.

Леди Милфорд задумчиво посмотрела на Лейлу, а потом села и обратилась к Белле:

– Благодарю вас, мисс Белла. Честно говоря, вы поразили меня: вы производите впечатление очень практичной молодой женщины. Так что если вам удобно, влажная одежда не мешает.

– Мне вполне удобно, – промолвила Белла, хотя, по правде говоря, она действительно вся вымокла и заоченела. Она пододвинула стул к огню и расправила намокший подол юбки, чтобы жар от огня быстрее его высушил. Хорошо хоть, коричневая ткань скрывала пятна грязи.

Фарфор позвякивал, когда Лейла расставляла чашки на блюдца. Белла добавила в чашку кусочек сахара и размешала дымящийся чай ложечкой. В голове роились вопросы: «Неужели леди Милфорд приехала повидать папу? Похоже, она ожидала увидеть его здесь. Но почему она решила, что он вернулся в Англию спустя тридцать лет, которые провел за границей? И зачем это она приехала сюда из Лондона? Почему было просто не написать ему?»

Но не успела она и рта раскрыть, как Сайрус опустил свое нескладное тело на табурет и без обиняков спросил:

– Откуда вы знаете нашего отца?

Леди Милфорд тепло улыбнулась ему:

– Мы с сэром Сеймуром познакомились лет тридцать назад. Должна сказать, что вы с вашими рыжеватыми волосами и голубыми глазами очень на него похожи. Он был очаровательным человеком и прекрасным танцором.

Сайрус едва не подавился чаем.

– Папа? Танцором? – переспросил он. – Но он же вечно бродил где-то или копался в древностях – это если он не утыкался носом в какую-нибудь книгу.

– Молодые люди стараются казаться приятными, когда ухаживают за девушкой, – ответила леди Милфорд. – Видите ли, сэр Сеймур надеялся получить руку вашей матери. А леди Ханна Скарборо была одной из самых востребованных красавиц сезона.

– Сезона? – недоуменно переспросила Белла. – Зимы или лета?

– Сезон всегда весной, – вмешалась в разговор Лейла. Она порхала туда-сюда, предлагая тонкие, как бумага, кусочки пирога с тмином. – В это время знать съезжается в Лондон на всякие вечера и балы.

Белла удивленно посмотрела на сестру:

– Откуда ты это знаешь?

– Миссис Норрис показывала мне рисунки в модном журнале. – Поставив тарелку, Лейла повернулась к леди Милфорд и объяснила: – Миссис Норрис – наша соседка. Она вдова викария, и ее часто приглашали на всевозможные вечера. Она говорила, что знатные леди приходят туда в самых красивых платьях. Ох, как бы мне хотелось посмотреть на эти чудесные наряды!

Сайрус утащил еще один кусочек пирога.

– Я бы купил тебе много таких платьев, если бы только Белла позволила мне обучиться ремеслу, – сказал он.

– Ты же знаешь, что об этом даже речи быть не может, – резким тоном проговорила Белла. Они уже много раз ссорились из-за этого. Несмотря на юный возраст, Сайрус считал себя хозяином дома. – Ты должен сосредоточиться на занятиях.

– Тогда Лейла не получит новые платья, – с оттенком печали вымолвил Сайрус. – Так что нечего ей рассматривать картинки в журнале.

Лейла поморщилась, взглянув на брата.

– Не будь врединой. Когда-нибудь я обязательно пойду на бал. И буду танцевать всю ночь напролет. – И, шурша небесно-голубой юбкой, она закружилась по маленькой гостиной, словно увлекаемая воображаемым партнером.

Белла поджала губы. Ее сестра чересчур вольно держалась перед гостьей. И поскольку разговор зашел слишком далеко, Белла напомнила:

– Леди Милфорд, вы говорили, что вас представил нашему отцу общий знакомый. Могу я спросить, о ком идет речь?

– Об аристократе, который разделял увлечение вашего отца древностями. – Леди Милфорд пристально посмотрела на Беллу своими фиолетовыми глазами поверх чашки. – Быть может, вы его помните. Речь идет о герцоге Эйлуине.

Рука Беллы с чашкой застыла в воздухе на полпути ко рту. В горле у нее вмиг пересохло. Эйлуин! Так этот человек еще и герцог? Она до сих пор помнила, как

костлявые папины пальцы сжали ее руку, когда он произносил это имя.

«Возвращайся в Оксфорд, – с усилием прошептал он, покрываясь смертельной бледностью, вызванной болезнью. – Пообещай мне... Разущи Эйлуина... Найди карту... Ты владеешь половиной... сокровищ фараона...»

Ухудшающееся состояние отца беспокоило Беллу. Холера быстро брала над ним верх, и она думала не о сокровищах, а о том, как восстановить его здоровье.

«Прошу тебя, папа, не переутомляйся. Сейчас отдохни, а завтра мы с тобой потолкуем».

Но отец так и не смог разъяснить Белле, что имел в виду. К утру он умер.

– Эйлуин... – произнес Сайрус, откусив кусочек пирога. Крошки прилипли к уголку его рта. – Папа никогда не говорил мне о нем. А тебе, Белла?

Она молча покачала головой. Ее сердце быстро забилося. Белла никому не рассказывала о признании отца, сделанном им на смертном одре. Ее брату и сестре было всего по пятнадцать лет, и она не хотела забивать им головы мечтами о картах сокровищ и богатствах фараона. Они понятия не имели о том, что она разыскивает мистера Эйлуина.

Неудивительно, что она так и не смогла найти этого человека. Потому что он не просто «мистер». Он высокопоставленный аристократ. И леди Милфорд с ним знакома. Какой же неожиданный поворот судьбы!

Итак, теперь Белле нужно как можно больше разузнать о герцоге, не раскрывая своей истинной цели.

– Надо же, герцог! – воскликнула Лейла. – А он живет в замке, как настоящий принц?

– Можно сказать, что так, – ответила леди Милфорд. – Эйлуин-Хаус, дом герцога в Лондоне, так же велик, как Букингемский дворец, в котором живет королева.

Глаза Лейлы загорелись еще ярче.

– Подумать только! А вы и у королевы Виктории в гостях бывали? – тараторила девочка. – Она такая красавица на коронационной фотографии! Прошу вас, скажите, а это правда, что за ней ухаживал принц из Германии?

Белла больше не хотела отвлекаться от темы разговора.

– Уверена, что леди Милфорд приехала к нам не для сплетен, – сказала она, со стуком поставив чашку. – Лейла, Сайрус, пожалуйста, оставьте нас. Я хочу поговорить с нашей гостьей наедине.

Двойняшки запротестовали.

– Но мы еще не допили чай, – заныл Сайрус.

– И я хочу побольше узнать об этом герцоге, – добавила Лейла. – Подумать только, папа никогда не говорил, что он был знаком с человеком чуть ли не из королевской семьи!

Белла хлопнула в ладоши.

– Довольно! А теперь бегите, вы, оба! И будьте добры закрыть за собой дверь.

Дети еще немного поворчали, но потом неохотно повиновались. Лейла сделала реверанс перед гостей и выскочила из гостиной, задрвав нос. Прихватив еще один кусок пирога, Сайрус последовал за сестрой и, выйдя, с грохотом захлопнул за собой дверь.

В тишине было слышно, как потрескивает огонь. Капли дождя, проникая в дом сквозь прореху в крыше, медленно плюхались в стоящий в углу таз.

Леди Милфорд невозмутимо пила чай, словно ее ничуть не задело неподобающее поведение двойняшек. Белле ужасно хотелось засыпать гостью вопросами о герцоге Эйлуине, но она помнила, что должна действовать очень аккуратно. В отличие от брата с сестрой, она знала, что доверять знати не следует.

Белла медленно вздохнула.

– Я должна извиниться за их болтовню, миледи, – проговорила она. – Нелегко было обучить их достойному поведению, живя за границей, среди людей с другими обычаями.

– Да будет вам! Они живые дети, жаждущие постичь мир. Мне это нравится. – Леди Милфорд посмотрела на Беллу с загадочной улыбкой. – Сэр Сайрус упомянул, что ваша матушка умерла вскоре после того, как они с сестрой появились на свет, и что вы их вырастили.

– Да, – кивнула Белла. – Они не знали своей матери.

– Но вы же и сами в ту пору были еще совсем юны, – удивилась гостя.

– Мне было четырнадцать лет, миледи. – Заметив, что одна черная бровь женщины слегка приподнялась, Белла была вынуждена добавить: – Но я не осталась без помощи. Отец нанял няню, которая провела с нами много лет.

Острая боль пронзила ее грудь. Им было нелегко распрощаться с Джале. Они все заливались слезами, но Белла не могла себе позволить привезти пожилую женщину с ними в Англию.

Леди Милфорд наклонилась к ней.

– А как у вас сейчас со средствами, моя дорогая? – поинтересовалась она. – Мне бы не хотелось вмешиваться в чужие дела, но оставил ли вам сэр Сеймур наследство? Или этот коттедж – все, что у вас есть?

Белла напряглась.

– Нам этого достаточно, – заявила она. – Мы не нуждаемся во всех этих атрибутах роскошной жизни.

– Прошу прощения, если я вас обидела, – поспешила извиниться леди Милфорд. – И умоляю, считайте мой интерес всего лишь заботой старого друга семьи.

Гостья смотрела на Беллу такими добрыми глазами, что у той появилось неожиданное желание рассказать обо всех своих неприятностях, сбросить с себя тяжкое бремя, давившее на нее со дня смерти отца. Впрочем, эта женщина явно была охотницей до сплетен, и Белла не могла отделаться от ощущения, что ею манипулируют с какой-то неясной целью. Пожалуй, ей пора взять разговор под контроль.

– Надеюсь, миледи, вы поведаете мне о жизни моего отца здесь, в Англии, – произнесла она. – Папа был так увлечен изучением древних цивилизаций, что совсем редко рассказывал нам о своем прошлом. – Белла растянула губы в вежливой улыбке. – А этот герцог... как вы сказали, Эйлуин? Почему вы думаете, что я могу что-то знать о нем?

– Четвертый герцог был ученым и египтологом-любителем. Это он попросил вашего отца о помощи, когда проводил раскопки гробницы в Египте. – Леди Милфорд склонила голову набок. – Неужели не помните? Рассказать вам? Вы поехали в Египет с родителями, хотя вам тогда, наверное, было не больше пяти-шести лет.

Египет... Перед внутренним взором Беллы вдруг встала живая картина: вот она копается в горячем песке, пытается выкопать ямку, но та тут же вновь заполняется песком, а какой-то мальчишка постарше потешается над ее усилиями. Затем обрывок воспоминаний погас, оставив ее в замешательстве.

– Моя семья где только не была, – промолвила она. – Мы странствовали по разным уголкам Азии и Ближнего Востока.

Взяв чайник, леди Милфорд наполнила сначала чашку Беллы, а потом свою.

– Как бы там ни было, вы около года жили в Египте, я в этом уверена. Видите ли, герцог Эйлуин со своей экспедицией был предметом пересудов у всего света. Особенно когда его убили во время того ужасного нападения.

Белла охнула. Эта новость сразила ее как стрела.

– Так герцог мертв?

– Да, это была ужасная трагедия. На него напали расхитители гробниц, – объяснила гостья.

Чтобы скрыть охватившее ее потрясение, Белла устремила взор на пляшущие языки пламени. Если Эйлуин был убит давно, ее отец должен был об этом знать. Так почему он убеждал ее вернуться в Оксфорд и разыскать герцога?

Конечно, быть может, все дело в лихорадке. У папы могли быть галлюцинации.

Воскресшие ненадолго надежды Беллы вмиг сгорели дотла. Спутанное сознание вернуло ее отца в прошлое, вот и все. Он просто вообразил, что Эйлуин жив.

Странно только, что ее родители никогда не рассказывали об их пребывании в Египте. Неужто воспоминание об ужасной смерти герцога так их огорчало? Увы, ей этого никогда не узнать. И никогда не найти карты сокровищ...

Белла судорожно вздохнула.

– Мне очень... очень жаль, что так случилось, – пробормотала она, снова переводя глаза на леди Милфорд. – Поскольку он был папиным другом, я была бы рада познакомиться с ним.

Загадочная улыбка тронула губы гостьи.

– Очень хорошо, – сказала она. – Если вы хотите познакомиться с герцогом Эйлуином, я уверена, что это можно устроить.

– Прошу прощения?

– Нынешний герцог – пятый герцог – унаследовал титул своего отца. Он также унаследовал его страсть к египтологии, а еще – огромную коллекцию артефактов, которые много лет назад были привезены в Англию.

Белла изумленно молчала, а леди Милфорд поставила чашку на стол и встала со стула. Затем элегантная дама проскользнула к окну, посмотрела на дождь и снова повернулась к Белле.

– Более двух десятилетий, – продолжала леди Милфорд, – его сын посвятил собиранию коллекции. Увы, это огромное предприятие. Я-то давно считаю, что его светлости необходим помощник, куратор.

– Куратор?

– По правде говоря, именно ради этого я и приехала в Оксфорд, мисс Джонс. Я-то надеялась, что ваш отец вернулся, и тогда я убедила бы его предложить герцогу помощь. – Она постучала себя по подбородку пальцем. – Однако вы производите впечатление практичной и умной девушки. Полагаю, вы тоже подошли бы на эту должность.

Белла лихорадочно обдумывала слова гостя. Такую возможность не чем иным, как чудом, не назовешь. Леди Милфорд и представить себе не могла, как отчаянно Белла мечтала получить доступ к древностям герцога. Может ли карта находиться у него? Та самая, которая доказала бы, что папа имел отношение к сокровищам фараона?

Быть может, папа хотел, чтобы она разыскала именно сына.

Белла едва сдерживала возбуждение.

– Но... как... что заставит Эйлуина нанять меня? – спросила она. – Я едва знаю историю Египта.

Леди Милфорд легким движением пальцев отмахнулась от этой проблемы, словно ее и вовсе не существовало.

– Вы же дочь его партнера по бизнесу, и, бесспорно, этой рекомендации будет достаточно, – заверила она Беллу. – А все остальное будет зависеть от вашей собственной изобретательности.

Повернувшись к письменному столу, леди Милфорд взяла в руки голубую бархатную сумочку, которую Белла заметила только сейчас. Женщина развязала шнурки и заглянула внутрь.

Белла не обратила на это внимания. Прикусив губу, она думала только о том, как убедить герцога Эйлуина воспользоваться ее услугами. Без сомнения, он будет предосудительно относиться к женщине, особенно если она не имеет ученого звания. Собеседование с ним, вероятно, окажется еще труднее тех, что она уже прошла здесь, в Оксфорде. Да вспомнить хотя бы презрение, которое проявил к ней такой ничтожный тип, как Фотергилл.

Белла занервничала. Она должна получить эту должность. Это ее единственная возможность провести тайные поиски пропавшей карты.

И тут, опешив, Белла поняла, что леди Милфорд стоит прямо перед ней. В руках женщина держала пару чудесных туфелек. Роскошный гранатовый атлас был расшит крохотными бусинками, поблескивавшими в отблесках пламени.

Гостья поставила туфельки на потертый ковер.

– Поскольку его светлость живет в богатом доме, вы должны быть одеты соответствующим образом. Примерьте эти туфли. Если они вам подходят, вы можете взять их у меня на время.

Белла изумленно смотрела на туфли на высоких каблуках. Как удивительно, что леди Милфорд носит в сумке запасную пару туфель! Это даже удивительнее того, что она предложила их Белле.

– А когда у меня может появиться возможность надеть такие туфли? – пробормотала она.

– Разумеется, когда вы пойдете на собеседование. Эйлуин обладает высоким статусом и имеет большое влияние. Вы ведь хотите выглядеть как можно лучше, не так ли?

Белла презрительно относилась к подачкам. Но если она хочет потребовать свою половину фараоновых сокровищ, то у нее нет иного выбора. Герцог не отмахнется от нее, как от неряшливой цыганки. Он не должен!

Она наклонилась, чтобы стянуть с ног свои короткие сапожки. Потертые и изношенные, они напоминали большие куски угля рядом со сверкающими

туфельками. Хорошо, что белые чулки скрывали традиционные восточные татуировки вокруг ее лодыжек. Леди Милфорд может отказаться помогать ей, если вдруг заметит такую заморскую странность.

Белла сунула ноги в чулках в чудесные туфли. Ощущение блаженства мгновенно подняло ей настроение. Роскошные туфельки так нежно обхватили ее ноющие от боли ноги, словно она шагнула в облако. Почувствовав прилив энергии, Белла вскочила со стула и принялась ходить по периметру маленькой гостиной, восхищаясь тем, как удобно ее ногам.

– Туфли сидят безупречно, миледи, – вымолвила она. – Как удивительно, что у нас с вами один размер! – Опустив голову, Белла приподняла все еще влажный подол юбки, чтобы полюбоваться туфельками. – Но, боюсь, они слишком хороши для такой серой старой девы, как я.

Леди Милфорд стала похожа на довольную кошку, вылакавшую миску сливок. Она шагнула к Белле и положила руки ей на плечи.

– Дорогое мое дитя, никогда не забывайте, что в ваших жилах течет благородная кровь, – сказала она. – Если одеть вас соответствующим образом, вы будете выглядеть ничуть не хуже любой знатной леди.

Белла так и подавилась от смеха.

– Леди? Я?

– Да, вы. Кстати, для собеседования вам понадобится еще и английское платье. – Леди Милфорд вынула из сумочки несколько монет и положила их на столик. – Считайте это подарком дочери старого друга. Этого вам должно хватить на все необходимое. И еще наймите кого-нибудь, кто позаботится о вашем брате и сестре, пока вы будете в Лондоне.

Белла ошеломленно посмотрела на гостью.

– Я не могу взять деньги! – воскликнула она.

– Вы должны сделать это, если хотите получить место куратора. Взамен у меня будет к вам всего одна просьба. Вы не должны упоминать при Эйлуине мое имя. Герцог – гордый, замкнутый человек, который не любит, когда им манипулируют.

Зато у Беллы в этот момент было ощущение, что манипулируют ею. Ее гордость была уязвлена тем, что она вынуждена взять деньги у этой знатной женщины. Но как иначе проникнуть в Эйлуин-Хаус?

– Как пожелаете, миледи, – сказала она.

– И еще будьте начеку, – предупредила леди Милфорд, бросая на Беллу мимолетный таинственный взгляд. – Эйлуин тяжелый человек. Иногда его даже называют зверем. Но вы не бойтесь, я научу вас, что именно вы должны ему сказать.

Глава 4

Майлз Грейсон, герцог Эйлуин, сидел на корточках перед огромной гранитной стелой, когда вдруг двери бального зала со стуком распахнулись. Звук шагов эхом разнесся по смахивающей на пещеру комнате.

Он со свистом сквозь стиснутые зубы произнес проклятие. Он пытался расшифровать выбитую на стеле надпись. Она была особенно хорошо видна в полуденном свете, льющемся в зал через окна. Герцогу уже почти удалось прочесть незнакомый иероглиф. Он был так близок к этому, что почти ощутил вкус победы.

И вот его сосредоточенности помешали.

Майлз оглянулся через плечо, чтобы увидеть, кто посмел проникнуть в его святилище, но огромная коллекция статуй и других артефактов загоразивала ему обзор. Слуги знали: хозяина лучше не беспокоить, когда он работает. Вход в бальный зал был запрещен всем, кроме него самого.

Бросив очки в золотой оправе на стопку бумаг на полу, Эйлуин выпрямился и посмотрел поверх ряда каменных богов и богинь. Он нахмурился еще сильнее. Он мог бы и раньше догадаться, кто посмел прийти сюда – два самых глупых, самых никчемных человека во всей Англии.

Его кузен и наследник, мистер Оскар Грейсон, пробирался по лабиринту, состоящему из древних реликвий, постукивая по паркету тростью с золотым набалдашником. На нем был щегольской темно-зеленый сюртук до колена, малиновый жилет с медными пуговицами и клетчатые брюки со штрипками. Его темные курчавые волосы были подстрижены так же аккуратно, как и бакенбарды, почти соединяющиеся с усами.

На его губах появилась веселая улыбка.

– Ого, наконец-то мы нашли вас, кузен! Как всегда, прячетесь в этой куче баракла!

Позади стояла его жена Хелен. В розовом платье с узкими оборчатými рукавами, с невероятно тонкой талией, она выглядела настоящей модницей. Но красота ее золотистых волос и сливочного цвета кожи не тронула Майлза, слишком хорошо знакомого с ее мелким тщеславием. И если у ее мужа было туповатое лицо, то у нее самой были хитрые янтарные глаза кошки.

Эти глаза оглядели свободную рубаху и черные брюки, составлявшие рабочий костюм герцога. Хелен проскользнула вперед, окутав Майлза облаком аромата духов, и чмокнула губами рядом с его щекой, изображая поцелуй.

– Дорогой Майлз, как я рада снова видеть вас, – промурлыкала Хелен. – Но мы застали вас не одетым. Надеюсь, мы вам не помешали.

– Само собой, помешали, – сказал Майлз, раздраженно стряхивая с рук пыль. – Сейчас середина рабочего дня. Я дал строгое указание оставить меня в покое.

– Надеюсь, это не относится к родственникам, – вступил в разговор Оскар. – Да вы каждую минуту проводите в этом душном мавзолее! Вам только на пользу пойдет, если вы несколько минут посвятите родственникам, заглянувшим к вам с визитом.

У Майлза были веские причины сомневаться в их родственных чувствах. Они никогда не приезжали в Эйлуин-Хаус без какого-то плана.

– Если вы снова проигрались, я отказываюсь оплачивать ваши долги, – вымолвил он. – И я не выплачу заранее аванс на ваше ежеквартальное содержание. Ну вот, я избавил вас от необходимости подлизываться ко мне.

Улыбка Оскара скисла.

– У меня и в мыслях не было просить у вас денег, – заявил он. – Однако раз уж вы завели об этом разговор, вы вполне могли бы и увеличить мое содержание. Вы же владеете этим гигантским домом, да еще пятью весьма прибыльными загородными поместьями.

– Когда-нибудь все это станет вашим. Быть может, тогда вы порадуетесь тому, что я не позволил вам разбазарить все это на всякую ерунду.

– Ничего себе, ерунда! Да мы живем почти как нищие на те гроши, что вы нам даете!

– Вот что, дорогой, – пропела Хелен, предостерегающе касаясь руки мужа, – не позволяй втянуть себя в очередную утомительную ссору. Мы сюда не за этим приехали.

Супруги понимающе переглянулись. Майлз знал, что этому взгляду доверять нельзя.

– Так говорите, что к чему! – теряя самообладание, выкрикнул он. – Я сегодня очень занят.

Хелен одарила его обворожительной улыбкой, ее ресницы затрепетали.

– Во-первых, позвольте мне выразить наше глубочайшее разочарование тем, что вы не пришли на наш музыкальный вечер на прошлой неделе. В самом деле, Майлз, вы пропустили чудесный вечер.

– И не послушал кошачье мяуканье оперных певцов? Спаси меня бог!

– Я же говорил тебе, что он не придет, – сказал Оскар жене. – Этот парень – настоящий затворник. И ему совершенно неинтересно заводить с кем-то дружбу. – Обратив внимание на Майлза, он добавил: – А вот у нас обширный круг общения в обществе. Нас приглашают на самые лучшие вечера в Лондоне.

– И мы всегда стараемся ответить на гостеприимство, – добавила Хелен. Уголки ее рта опустились. – К несчастью, наш городской дом весьма тесен. Если бы вы хоть раз изволили нанести нам визит, ваша светлость, то поняли бы, что нам просто не хватает места, чтобы устроить большой бал.

Выведенный из равновесия этой пустой болтовней, Майлз украдкой покосился на стелу. Неизвестный символ не давал ему покоя. Где он мог раньше его видеть? Он часами изучал учебник Шампольона о системах и видах египетской письменности и словарь, который сам составлял больше десяти лет.

Внезапно от размышлений его оторвал голос Хелен:

– ...устроить бал здесь, в Эйлуин-Хаусе, было бы чудесно. Только посмотрите на этот потрясающий бальный зал! Им пренебрегали слишком много лет! – Хелен развела в стороны свои изящные руки в лайковых перчатках, словно хотела охватить этот огромный зал с сотнями египетских артефактов. – Только представьте, пожалуйста, что этот зал восстановлен в своем былом великолепии: люстры сверкают сотнями свечей, стены задрапированы шелком цвета мяты, на подставках высокие вазы с розовыми розами, дамы и джентльмены, кружащиеся в танце на только что отполированном полу...

– Не-ет! – громоподобный крик Майлза эхом отразился от сводчатого потолка, расписанного изображениями херувимов и резвящихся нимф. – Ни за что!

Глаза Хелен расширились.

– Не надо кричать, Майлз. Уверяю вас, что я лично прослежу за всеми приготовлениями. Вы не ощутите никакого неудобства. А все эти... – она бросила трепетный взгляд на большую статую бога Гора с головой сокола, – все эти вещи можно унести куда-нибудь. Например, в кладовую. Команда крепких лакеев смогла бы справиться с этим делом за день.

– Я сказал нет, – процедил Майлз сквозь зубы. «Какое нахальство – думать, что она может избавиться от этих бесценных предметов ради одного из своих бессмысленных вечеров!» – Выслушайте меня внимательно. Никаких балов в Эйлуин-Хаусе не будет. И переносить тут тоже никто ничего не будет. Зал останется таким, как есть.

– Прошу вас, дорогой кузен, вы не должны отказываться от моего предложения, – кокетливо проговорила Хелен. – Потом все можно будет вернуть на свои места. Все будет, как было, вы будете довольны. Хотя бы подумайте об этом!

– Мне не надо ни о чем думать, – отрезал Майлз. – Мое решение не изменится.

Кокетливое выражение исчезло с лица Хелен, она выпятила нижнюю губу.

– Но в этом доме полно пыльных старых реликвий, – запричитала она. – Наверняка вы смогли бы поработать в другой комнате неделю-другую. Оскар, ну скажи ему, чтобы он не был таким чудовищем!

– Не будьте таким чудовищем, – послушно повторил Оскар, грозя Майлзу тростью. – Это совсем небольшое одолжение для члена семьи. Да у вас есть еще сотня комнат, в которых вы можете играть со всем этим старым хламом.

Это было уже слишком.

Майлз указал на арочный дверной проем:

– Вон. Вы оба. Немедленно.

– О, вы невозможны! – воскликнула Хелен. – Мы ведь не вынуждали вас пойти на бал. Нам известно, как вы презираете общество. Но вы не должны лишать нас удовольствия развлекаться!

– Да он просто эгоист, в этом все дело, – заявил Оскар. – Эйлуин-Хаус принадлежит и мне тоже, так как он – часть наследства. Мой папа вырос в детской наверху. Он был сыном герцога!

– Вторым сыном, – уточнил Майлз. – А теперь или уходите добровольно, или я позову пару лакеев, которые вышвырнут вас обоих на улицу.

Майлз устремил на них повелительный взгляд. Супруги были похожи на невоспитанных детей, но он научился быть с ними жестким. Оскар с детства был сопливым нытиком, и женитьба на Хелен в прошлом году не улучшила его характер. Но если раньше он был просто требовательным, то теперь вдобавок к этому заразился от нее недугом под названием «карьеризм».

Еще несколько минут они дулись и жаловались. А потом Хелен проговорила тоном мученицы:

– Пойдем, мой дорогой. Нас не хотят здесь видеть!

Пока они пробирались по лабиринту артефактов, Майлз неотступно следовал за ними. Его пальцы властно погладили гранитный саркофаг периода Древнего царства. Он опасался, как бы эта парочка от злости не повредила один из его раритетов.

Холодно попрощавшись с Майлзом, Оскар и его жена прошли по широкому коридору с массивными колоннами из белого мрамора. Отойдя от Майлза, они тут же принялись сплетничать тихими сердитыми голосами, которые эхом отражались от каменных стен. Майлз наблюдал за ними, пока они не исчезли за углом. Ему не нужно было слышать их разговор, чтобы понять, что они выражают свое недовольство его поведением. Ну и пусть жалуются, он своего решения не изменит.

Чертов бал! Без сомнения, эта идея принадлежит Хелен. И почему только женщины так враждебно относятся к бесценным останкам древних цивилизаций? И его матери они были неинтересны, а потому она предпочитала жить за городом. И так продолжалось вплоть до самой ее смерти, которая случилась десять лет назад. Каждая дама, переступавшая его порог, неодобрительно посматривала на египетские древности, разбросанные по всему дому. А некоторые даже намекали ему, что неплохо бы переделать дом по последней моде.

Майлз взял за ручку двери. Черт возьми, на сей раз он повернет ключ в замке. И больше никаких перерывов до вечера. Заманчивый иероглиф ждал, когда он

определит его значение, и при мысли о том, что он сумеет расшифровать его, Майлз ощутил прилив энергии.

Майлз уже начал было закрывать дверь, но тут в конце длинного парадного коридора он увидел лакея в малиновой ливрее. Слуга шел к бальному залу с серебряным подносом в руках.

«Это просто абсурд», – подумал Майлз, стиснув зубы. Оставалось надеяться только на то, что это всего лишь письмо. Ну не может же быть, что ему придется мучиться, общаясь с еще одним посетителем. Давно пора напомнить прислуге об обязанности выгонять всех незваных гостей.

Неслышно ступая по ковру, он быстро пошел вперед и встретил лакея на полпути к залу.

– Джордж, мне нужно сказать вам кое-что...

И только сейчас Майлз заметил женщину.

Она тайком кралась по коридору, перебегая от колонны к колонне. Золотой пояс перехватывал талию платья цвета темной бронзы, а широкие поля соломенной шляпки отбрасывали тень на ее лицо, пряча ее черты от его взора. Майлз, прищурившись, посмотрел на нее, и она тут же пропала из виду, явно метнувшись к стене.

Он сделал шаг вперед.

– Это, черт возьми, еще кто? – рявкнул он.

Джордж оглянулся через плечо.

– Прошу прощения?

– Я о женщине, которая прячется за колонной. Она шла следом за вами.

Лицо лакея побелело, как его белый напудренный парик. Он протянул хозяину поднос.

– М-м... К вам посетительница, ваша светлость. Она весьма настойчиво требовала аудиенции. Я попросил ее подождать в прихожей.

Майлз схватил с подноса визитную карточку, на которой аккуратным почерком было выведено: «Мисс Б. Джонс».

Это имя ни о чем ему не говорило. Но у герцога появилось мрачное предположение о ее намерениях. Вот уже несколько лет светские дамы под множеством предлогов пытались проникнуть в Эйлуин-Хаус. Одна очень удачно растянула лодыжку, проходя мимо его дома. Другая утверждала, что привезла личное послание от управляющего одного из его поместий. Третья ссылалась на дружбу с его покойной матерью. Их коварные замыслы объединяла уверенность в том, что герцог-холостяк должен нуждаться в жене.

– Так что, мне выставить ее? – сильно нервничая, спросил лакей.

Майлз смял визитную карточку в кулаке.

– Нет. Я сам с ней разберусь.

Швырнув смятый комок бумаги на поднос, он пошел по коридору к месту, где она пряталась. Толстый ковер заглушал звук его шагов. Мисс Б. Джонс, должно быть, так и не расслышала их, потому что выглянула из-за огромной колонны.

Она подняла на него широко раскрытые глаза. Оборчатый край полей шляпки образовывал овальную рамку вокруг ее лица. И на этом, в общем-то, ничем не примечательном лице выделялись только темно-голубые глаза, которые по глубине и богатству цвета могли бы сравниться с лазуритом.

Майлз остановился, как ни странно, он был удивлен. Он лишился способности разговаривать. Перед ним была не наивная дебютантка, а зрелая женщина. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, мисс Джонс обнимала колонну, а он был поражен странным ощущением какой-то связи между ними. Что-то в ее лице казалось ему смутно знакомым – это было что-то очень глубокое и таинственное, манящее его.

Что за ерунда! Если не считать ее глаз, то она даже не была привлекательной.

– Что вы здесь делаете? – спросил герцог.

Она обвела взглядом его рабочую одежду. А потом вышла из своего укрытия.

– Я иду на встречу с герцогом Эйлуином, – ответила она. – У меня назначена встреча с ним.

– Лгунья! В моем сегодняшнем расписании нет никаких встреч.

– О! Но вы же не можете... хотя, возможно... так вы и есть герцог? – Ее щеки начали розоветь. – Рада познакомиться с вами, сэра. Меня зовут мисс Джонс. Мисс Белла Джонс.

Она присела в неуклюжем реверансе, а затем протянула ему руку, но не томно и изящно, как это делают леди, а как мужчина, дерзкий и целеустремленный. Через мгновение Майлз поймал себя на том, что сжимает рукой ее затянутые в перчатку пальцы. Пальцы тонкие, но сильные, пальцы решительной женщины.

Женщины коварной.

Герцог тут же отпустил ее руку.

– Вы пробрались в мой дом без приглашения, – холодно промолвил он. – У меня нет желания продолжать с вами разговор. Лакей проводит вас к двери.

Джордж словно ниоткуда появился рядом с ней.

– Сюда, мисс, – произнес он.

Белла не обратила на него внимания. Прожигая Майлза взглядом, она сказала:

– Молю вас простить меня, сэра. Я пошла следом за вашим слугой, потому что опасалась, что вы откажетесь встретиться со мною. Мне нужно обсудить с вами одно очень важное дело.

– Вы зря тратите время, – отрезал Майлз. – Уходите из этого дома. И никогда не возвращайтесь.

Развернувшись, он направился обратно в бальный зал. Ее безрассудное поведение раздражало его сверх меры. И еще эти ее глаза, смотрящие на него с такой смелостью. Словно это он был виноват в том, что отказался быть одураченным в соответствии с ее планом. Не прошел герцог и трех шагов, как его остановил ее голос:

– Подождите, сэр... Ваша светлость! Я не чужая для вашей семьи. Моим отцом был сэр Сеймур Джонс. Он был коллегой вашего отца в Египте.

У Майлза внутри все перевернулось. Он медленно повернулся назад, чтобы снова оказаться с ней лицом к лицу. Недоверие боролось в нем с изумлением. Так именно поэтому он ощутил связь с нею? Из-за того, что они были знакомы детьми?

Больше двадцати лет прошло после того трагического случая в Египте. Майлз попытался сопоставить ее черты со смутным воспоминанием о шестилетней девочке, которая хвостиком бегала следом за ним по лагерю. Белла... Изабелла. Так она тогда себя называла. У ребенка, которого он знал, тоже были голубые глаза. Но больше он почти ничего не помнил. Ему было тогда всего тринадцать лет, и он старался игнорировать маленьких назойливых девочек.

А сэр Сеймур! Он казался дружелюбным, честным парнем, всегда терпеливым и готовым прийти на помощь, когда Майлз задавал ему вопросы о раскопках гробницы фараона. Он до сих пор помнил этого человека, его бородатое лицо, потемневшее от горячего египетского солнца, и его белые зубы, сверкавшие в улыбке.

Господи! Майлз по наивности доверял этому негодяю даже тогда, когда его собственный отец был убит расхитителями гробниц. Не прошло и суток, как сэр Сеймур покинул его. Он забрал жену с дочерью и исчез в ночи, и больше никто никогда их не видел.

Майлз все еще чувствовал сокрушительную тяжесть отчаяния и горя – он остался один, без отца, в чужой стране. Еще хуже было бремя его собственной вины. Если бы не ссора между ними, его отец не ушел бы из лагеря в ту роковую

ночь. И не умер бы... Эти воспоминания грозили затянуть его в черную дыру.

Майлз глубоко вздохнул. И решил не верить этой женщине на слово. Ее слова могли быть уловкой. Хитрой уловкой, придуманной для того, чтобы втереться к нему в доверие.

Но если мисс Белла Джонс действительно дочь сэра Сеймура... Тогда Майлз должен выяснить, что ей известно.

Глава 5

– Следуйте за мной! – рявкнул герцог.

Белла поспешно повиновалась короткому приказанию. Пойманная на неприкрытой лжи, она не рискнула снова навлечь на себя его гнев. Она почти бежала по коридору, чтобы поспеть за его длинными шагами. Ее пальцы вцепились в юбку, чтобы не споткнуться о мириады сильно накрахмаленных нижних юбок.

Получив деньги от леди Милфорд, она отправила Лейлу в магазин Фотергилла за бронзовым шелком. Белле доставляло огромное удовольствие носить платье из той самой ткани, которую он считал слишком дорогой для нее.

Но сейчас она предпочла бы свой удобный персидский наряд. Китовый ус корсета давил ей на ребра, а широкие поля капора были подобны лошадиным шорам, ограничивающим круг ее зрения так, что она могла смотреть только вперед, на герцога.

Куда он вел ее?

Белла не знала, но, по крайней мере, он не выставил ее из дома. Робкий восторг воодушевлял ее. Она преодолела первое препятствие. Она убедила герцога выслушать ее.

Но леди Милфорд не преувеличивала. Герцог Эйлуин действительно был зверем. Властным и богатым аристократом, отрицавшим даже видимость гостеприимства. Его грубые манеры только укрепили недоверие Беллы к английской знати.

Она сердито смотрела на его широкую спину. Эйлуин даже ни разу не оглянулся, чтобы убедиться, что она все еще следует за ним. Казалось, он был равнодушен к ее присутствию, как будто привык, что простым смертным достаточно щелчка пальцев, чтобы подчиниться его приказам.

И все же он оказался совсем не таким, как она ожидала.

По пути в Лондон воображение Беллы рисовало ей пожилого вельможу в богатом, изысканном одеянии, с пурпурной мантией на плечах и золотым скипетром в руке. Но Эйлуин был не чудаковатым стариканом, а мужчиной в расцвете лет. Он походил на простого рабочего – мускулистого, с взъерошенными темно-каштановыми волосами. Льняная рубашка была расстегнута до груди, рукава закатаны, обнажая предплечья. А на его черных штанах было даже пятно серой пыли.

Ну как она могла догадаться, что этот человек и есть герцог?

Воспоминание о буравящем ее взгляде его карих глаз вызвало тревожную дрожь. Эта дрожь была словно инстинктивным предостережением. Эйлуин не производил впечатления человека, которого легко обмануть. Он казался суровым и жестким, и уж совсем не глупцом. И все же она должна каким-то образом убедить этого тирана нанять ее себе в помощники.

Через арочный дверной проем Белла последовала за герцогом в огромную прямоугольную комнату. Там она остановилась в изумлении. Лучи послеполуденного солнца лились сквозь окна, освещая один конец комнаты. Помещение было оформлено в классическом стиле: люстры из граненого хрусталя, позолоченные стенные панели и сводчатый потолок, расписанный изображениями херувимов и нимф.

Но не это привлекло ее внимание. Не это, а содержимое комнаты. Перед ней раскинулось целое море египетских артефактов.

Белла медленно двинулась вперед, поворачивая голову в неудобном капоре, чтобы разглядеть каждый предмет. Там было много странных фигур, вырезанных из камня, некоторые из них были наполовину людьми, наполовину животными. Боги с шакальими или бараньими головами. Женщины с подведенными глазами и коронами из змей. Полированные каменные ящики, похожие на гробы.

Белла потянулась, чтобы потрогать гранитную руку мужчины в мантии с удивительно длинной козлиной бородкой и в высокой короне. Чувство изумления наполнило ее – того самого удивления и интереса, который она всегда испытывала, помогая отцу исследовать старый храм в джунглях или раскапывать рассыпающийся памятник в пустыне. Можно было подумать, что она стоит в древней гробнице, а не в роскошном особняке посреди Лондона.

– Не трогайте!

Белла подскочила, услышав сиплый голос Эйлуина. Ее рука метнулась к груди, она резко повернулась и увидела герцога, стоявшего прямо за ней.

– Вы напугали меня, – упрекнула она его.

Его губы сжались, он с неприязнью посмотрел на нее.

– Это все ваша дурацкая шляпка, – проговорил Майлз. – Она ограничивает вам обзор. Не возьму в толк, зачем женщины носят столь непрактичную ерунду.

Белла надела эту «ерунду», потому что хотела выглядеть ухоженной английской леди. Лейла заверила ее, что соломенная шляпа – это последняя мода. Белле очень не нравились широкие поля капора, но грубость Эйлуина заставила ее раздраженно промолвить:

– А я-то думала, что джентльменов учат говорить комплименты, а не критиковать.

– А я не джентльмен, – парировал он. – А теперь вы действительно должны снять это.

Не успела Белла понять, что он делает, как его рука дернула ленты, завязанные под ее подбородком. Затем герцог сорвал шляпку с ее волос, резко развернулся и забросил ее на голову высокой каменной богини с лицом львицы.

– Ну вот, – сказал он с мрачным удовлетворением. – Теперь я вижу, что вы действительно та, за кого себя выдаете, мисс Джонс.

Шокированная его поступком, Белла пригладила растрепанные волосы. Она чувствовала себя уязвленной и оскорбленной его самонадеянным поступком. То место, где его пальцы дотронулись до ее горла, после его прикосновения пылало.

Белла сдержала желание снять со статуи свой капор. Но как ей вернуть его, не выставив себя дурочкой? Она не сможет до него дотянуться, к тому же ей следует помнить, что она пришла сюда очаровать зверя до такой степени, чтобы он нанял ее.

Тем не менее, дерзость его поступка возмутила ее.

Сделав над собой усилие, она заговорила сдержанным тоном:

– Я действительно мисс Изабелла Джонс. А кем еще мне быть? И я не понимаю, как лишение меня капора могло подтвердить мою личность.

– Это еще предстоит выяснить. Идемте со мной.

Сделав это таинственное замечание, Эйлуин схватил ее за плечо и увлек вглубь лабиринта артефактов. Белла набрала было в грудь воздуха, чтобы возразить, но незнакомый мужской запах остановил ее: она вспомнила о необходимости быть осторожной. Эйлуин ничуть не походил на ее добросердечного брата или кроткого отца. Напротив, у него был пугающий нрав, дополнявший его высокий рост и физическую силу. Не прошло еще и десяти минут, а он уже показал себя жестоким, властным и непредсказуемым человеком. Его мысли были непонятны Белле, как странные символы, высеченные на многих каменных реликвиях.

По крайней мере, она прихватила с собой кинжал. Если он позволит себе что-то неподобающее, она заставит его сильно пожалеть об этом.

Но пока что Майлз просто подвел Беллу к стене с окнами и отпустил ее руку. Подбоченившись, он оглядел ее с головы до пят и обратно.

– У вас серо-коричневые волосы, – заметил он. – А ее волосы были более светлые, ее даже можно было назвать блондинкой.

– Ее? Кого? – Белла его не понимала.

– Беллы Джонс, дочери сэра Сеймура.

Белла моргнула. Откуда он мог знать, какого цвета волосы были у нее в детстве? И вдруг у нее словно молния перед глазами полыхнула, она, кажется, начала догадываться, в чем дело.

– Вы хотите сказать... что тоже были в Египте? В то же время, когда и я была там?

Он наклонил голову в знак согласия.

– Я сопровождал отца в экспедиции и помогал на раскопках. Были ли вы той любопытной маленькой девочкой, которая тайком шныряла по лагерю, заглядывая в каждую палатку, остается под вопросом.

Белла пыталась переварить эту новость. Просто невероятно, что она уже была знакома с Эйлуином, хотя он тогда был еще не герцогом, а только наследником. И она вспомнила часть сцены из прошлого, которая уже возникала перед ее мысленным взором, когда леди Милфорд говорила с ней об Египте.

– Я была тогда слишком мала, чтобы помнить многое, – сказала Белла. – Я помню только один случай. Я пыталась выкопать ямку в песке, но он все время осыпался, и у меня ничего не получалось. Помню, я тогда услышала смех какого-то мальчишки, который потешался над моими усилиями. Так это были вы?

Герцог быстро и нетерпеливо пожал плечами.

– Я этого не помню. Боюсь, мне нужны более веские доказательства того, что вы – та, за кого себя выдаете.

– Но откуда мне знать, насколько точно вы меня помните? – возразила Белла. – Сколько лет вам тогда было?

– Тринадцать. И я продолжу задавать вопросы. Скажите, почему я должен поверить, что вы действительно дочь сэра Сеймура, если у вас другой цвет волос?

– Обычное дело, когда светлые волосы с возрастом темнеют, – отозвалась Белла. – Наверняка вам это известно. – Но у герцога по-прежнему был скептический вид, и девушка поникла от огорчения. Эйлуин никогда не возьмет ее на работу, если будет считать ее лгуньей. Хуже того, он уже один раз уличил ее во лжи. – Ваша светлость, я никак не могу понять, почему вы считаете, что я выдаю себя за кого-то другого. Какой смысл в таком обмане?

Эйлуин стоял на фоне величественной каменной стелы. Его строгое красивое лицо казалось высеченным из гранита, словно он был одним из грозных богов в этой коллекции.

– Дамы имеют обыкновение искать моего расположения, – ответил он. – И они придумывают всевозможные уловки, чтобы обманным путем женить меня на себе. Должен признать, что ваша задумка умнее всех остальных. Она потребовала изучения прошлого моей семьи.

Он считает ее охотницей за мужем?

Это предположение было настолько нелепым, что Белла почувствовала, как к горлу подступает комок смеха. Когда безудержный смешок вырвался наружу, лицо герцога напряглось, а она зажала рот рукой.

– Прошу прощения, я не хотела смеяться. Просто... мой возраст уже далеко не юный, и у меня сложился определенный образ жизни, и поиски мужа в мои планы не входят, не говоря уже о том, что мне совсем незачем заманивать мужчин в ловушки. Так что я пришла сюда потому... потому что наши семьи были связаны.

Белла замолчала, не рискуя заговорить о месте куратора, пока он в таком дурном настроении. Лучше подольстится к нему, задавая вопросы о его

египетских артефактах. Все мужчины любят говорить о своих увлечениях.

– Видите ли, – продолжила Белла, – в прошлом году мой отец умер, и я надеялась разузнать побольше о его работе в Египте. И когда я услышала, что вы унаследовали многие артефакты, в поисках которых принимал участие и мой папа, я подумала, что, быть может, вы покажете мне хотя бы некоторые из них.

– Черт! – перебил ее Эйлуин, щелкнув пальцами. – Есть способ подтвердить вашу личность. Кое-что, о чем я почти забыл.

– Да? Неужели? – Немного удивившись, Белла сделала к нему шаг. – Скажите же, что это? Я буду рада развеять ваши сомнения.

Устремив на нее пронизательный взгляд, герцог принялся расхаживать взад-вперед.

– Жена сэра Сеймура тяжело заболела в Египте. Няня ее дочери была берберкой, которая придерживалась многих суеверий. И она расписала ноги Изабеллы символами, которые должны были оградить девочку от джнунов – злых духов, приносящих болезни. Символы несмыслаемые. И если вы действительно та, за кого себя выдаете, то на ваших ногах по-прежнему должны оставаться эти татуировки.

По телу Изабеллы пробежала дрожь. Ему известно о странных рисунках на ее лодыжках? Когда она повзрослела настолько, чтобы расспросить о татуировках, папа объяснил ей, что женщина из племени берберов всего лишь хотела таким образом защитить ее от болезней. Он заставил дочь поверить, что символы были нанесены во время их странствий по Марокко.

Но теперь выходит, что это было сделано в Египте. Почему папа не сказал ей правду?

Эйлуин ждал, скрестив руки на широкой груди. Его прямой взгляд усиливал ее тревогу. Неужели он ждет, что она покажет ему рисунки?

Похоже, что да.

Но сама мысль о том, что она позволит этому мужчине заглянуть ей под юбки, вызвала у Беллы возмущение. Не только из-за оскорбления ее целомудрия, но еще и потому, что она никогда не показывала их никому, кроме членов своей семьи. Одно время она считала их уродством. В юности она пыталась соскрести их, но только исцарапалась: краска слишком глубоко проникла в кожу.

Теперь она почти не задумывалась об этих рисунках. Они просто стали ее частью, изменить которую невозможно. Скрытой тайной, которую ни один мужчина – даже герцог – не имеет права видеть.

– Да, символы по-прежнему там, – тихо призналась она. – Но вам придется поверить мне на слово.

Герцог издал звук – нечто среднее между смешком и рычанием.

– Вашему слову? Не думаю, что это возможно. Вы подтвердите свою личность здесь и сейчас, иначе я сочту вас шарлатанкой.

Блеск в его темных глазах говорил о многом. Он ожидал, что она откажется подчиниться его приказанию. Этот человек хотел выставить ее мошенницей, доказать, что она – охотница за мужем, как и все те женщины, о которых он упоминал, чтобы он мог прогнать ее из дома.

Его ультиматум вывел Беллу из себя. Но отказаться она не могла. Если она не покажет ему татуировки, она потеряет шанс убедить его нанять ее на работу. И тогда у нее больше не будет возможности отыскать пропавшую карту – или доказать, что она имеет право на половину сокровищ фараона.

– Отвернитесь! – приказала она. – Мне нужно спустить чулки.

Герцог высокомерно приподнял бровь, но сделал, как она приказала. Он повернулся лицом к древнеегипетской каменной стеле с изображением бытовой сцены и обиженно произнес:

– Только побыстрее. Я не могу потратить на вас целый день.

«Вероятно, герцог впервые в жизни подчинился женщине», – ехидно подумала Белла. Чтобы оказаться в большем уединении, она спряталась за огромной гранитной статуей египетского бога с головой сокола. Там она наклонилась и сунула руку под нижние юбки. Накрахмаленный муслин громко зашуршал, и она съежилась при мысли о том, что Эйлуин тоже это слышит. Грязный пес! Призывая на голову этого зверя все возможные проклятия, она развязала подвязку на одной ноге и спустила белый шелковый чулок до лодыжки.

Ее рука коснулась кинжала, пристегнутого к другой ноге. Под узким платьем спрятать его было невозможно. Оставалось надеяться только на то, что герцог кинжала не заметит.

Опустив юбки, она вышла из-за статуи. Эйлуин по-прежнему стоял спиной к ней. Только сейчас он присел на корточки и разглядывал символы, высеченные на основании каменной стелы. Белла увидела, как он провел указательным пальцем по одному из них, словно пытался его разгадать. Неужели он умеет читать иероглифы?

Но сейчас не время спрашивать об этом.

Белла откашлялась. Не поднимаясь, он повернулся и устремил взгляд прямо на опущенный подол ее юбок. Его губы скривились в усмешке.

– Итак, вы поняли, что обмануть меня невозможно.

– Как раз наоборот. – Его злорадное заявление подзадорило Беллу. Он должен увидеть, что она не испугалась. Она шагнула вперед и остановилась прямо перед ним. Взявшись за юбку, она чуть приподняла подол и выставила вперед ногу. – Вот вам доказательство, – сказала Белла.

С высоты своего роста она видела крохотные, сверкающие на солнце хрустальные бусинки на туфлях леди Милфорд. Насыщенный гранатовый оттенок атласной подкладки контрастировал с темно-бронзовым шелком ее платья.

– Потрясающие туфельки для старой девы в возрасте, – заметил Эйлуин.

Белла сердито поглядела на него. Он поддразнивает ее? Нет, в этом брутальном мужчине нет и капли юмора.

- Посмотрите на рисунки. Они чуть выше лодыжки.

- Я не вижу, мне ваши юбки мешают.

Белла приподняла юбки еще на пару скромных дюймов.

- Этого должно быть достаточно, чтобы подтвердить, что я... О!

Эйлуин без предупреждения встал на колени, крепко сжал ее лодыжку и поставил ее ногу себе на бедро, отчего Белла потеряла равновесие. Задыхаясь от негодования, она была вынуждена схватиться за его плечи, чтобы не упасть.

Такие широкие, такие мускулистые плечи...

Оцепенев от страха, Белла поняла, что она склонилась к герцогу так близко, что могла разглядеть каждую прядь его шоколадно-каштановых волос. Ее сердце затрепетало в груди, когда жар его кожи стал проникать сквозь льняную рубашку. И вновь она ощутила его загадочный и манящий запах.

Однако больше всего мисс Джонс поразило ощущение его мозолистых рук, шаривших под ее юбками.

Кровь быстрее побежала по ее жилам. Она хотела оттолкнуть Эйлуина, но он крепко держал ее ногу.

- Прошу прощения, сэра, - проговорила она писклявым тоном. Белла глубоко вздохнула, чтобы придать своему голосу уверенность. - Что, по-вашему, вы делаете?

Герцог поднял на нее глаза. Его взгляд пробежал по ней и на мгновение задержался на низком вырезе ее лифа, который, к сожалению, находился как раз в поле его зрения.

Под этим взором в ее груди возникло жжение, которое могло быть вызвано лишь сильным гневом на его дерзость.

Уголок его рта искривился в полуулыбке, что сделало его опасно привлекательным.

– Полагаю, это очевидно, мисс Джонс, – проговорил он. – Проверяю ваши верительные грамоты.

С этими словами он забросил нижние юбки ей на колено, открыв своему взору ее голень. Белла стиснула зубы. Ей не нравился этот человек. Ничуть не нравился. Он был тираном, который делает, что ему хочется, не заботясь об элементарных приличиях.

Однако задабривание герцога было центральной частью ее плана, как получить работу в его доме. Именно поэтому она заставила себя замереть, пока Эйлуин осматривал знаки на ее голени. Сжав ее лодыжку, он наклонился ближе – так близко, что его теплое дыхание коснулось ее обнаженной плоти. У Беллы подкосились ноги, и она почувствовала, что может в любое мгновение растаять у него на коленях. Как глупо!

– Вы увидели достаточно, – коротко проговорила она. – Больше не может оставаться сомнений в том, что я и есть Изабелла Джонс.

Словно не услышав ее, Майлз осторожно провел пальцем по чернильному рисунку, обвивавшему ее лодыжку. Уже знакомое Белле жжение пробежало вверх по ее ноге, усиливая ее смятение. Ей и в голову никогда не приходило, что ее кожа может быть столь чувствительной.

Или что мужчина может быть столь назойливым.

– Потрясающе, – пробормотал он. – Вы знаете значение этих символов?

Белла покачала головой. Возможно, когда-то она и знала. Но как она могла что-то вспомнить, когда ее вниманием полностью завладело его властное прикосновение?

– Пожалуйста, отпустите мою ногу, сэр.

Эйлуин проигнорировал ее просьбу.

– Я видел похожие знаки у женщин из племени берберов. Круг, перечеркнутый линией, символизирует Солнце и его целебные свойства. – Он провел пальцем сначала по одной татуировке, потом по другой. – Перевернутые полукружья вокруг звезд служат защитой от дурного глаза.

– Лучше бы они защищали от дерзких герцогов.

Снова посмотрев на Беллу, он от души расхохотался, отчего стал почти... очаровательным. И это очарование одновременно угрожало и привлекало. Внезапно отблеск света на его лице погас. Его взгляд снова стал суровым и расчетливым, и Белла задумалась, не знал ли негодяй с самого начала, что она – дочь сэра Сеймура.

Впрочем, это неважно. Эйлуин не может разгадать ее игру.

Белла сильно дернула ногой, чтобы оттолкнуть его. На этот раз он отпустил ее, и она отступила назад. Ее юбки упали вниз, обе ее ноги наконец-то ступили на паркетный пол, и она ощутила, как к ней возвращается способность ясно мыслить.

По крайней мере, так было, пока она не увидела на его раскрытой ладони знакомый предмет. Герцог поднялся на ноги, и лезвие с рукояткой из слоновой кости блеснуло на солнце.

– Мой кинжал! – воскликнула она.

Возмущенная совершенной им кражей, Белла бросилась прямо на него. Эйлуин поднял руку, чтобы она не дотянулась до своего оружия. Она встала на цыпочки и потянулась вверх, не обращая внимания на то, что ей пришлось прижаться к его мускулистому телу, ведь в это мгновение она могла думать лишь о том, как бы вернуть свое драгоценное средство защиты.

Бесполезно! У герцога было преимущество в росте.

Белла отступила, делая глубокие вдохи, чтобы унять охвативший ее гнев. Как это чудовище незаметно для нее смогло вытащить кинжал из ножен?

- Это подарок моего отца. Отдайте мне его немедленно!

Герцог посмотрел на ее вздымавшуюся грудь, прежде чем вновь устремить свой тяжелый взгляд ей в глаза.

- Нет, - отрезал он. - Это мой дом, и здесь никто не носит оружия. Вы его получите, когда будете уходить.

Он положил нож на каменную стелу, где она не могла дотянуться до него.

Белла пылала от ярости. Грязный пес! Лишь необходимость выполнить свою миссию помешала ей вслух назвать его так. Но она должна помнить, с какой целью пришла сюда. А кинжал можно забрать позже.

- Прошу прощения, - сдавленным голосом произнесла она.

Она ушла за высокую гранитную статую. Там, в относительном уединении, девушка подтянула обвисший чулок и завязала подвязку под многочисленными нижними юбками. Злость еще не унялась в ней, и от этого ее пальцы стали неуклюжими. Эйлуин уже несколько раз брал над ней верх: в случае с капором, с ее татуировками и нижними юбками и с кинжалом.

Но теперь настала ее очередь. Она заставит его плясать под ее дудку. Даже если ради этого ей придется забыть о гордости и - боже упаси - очаровать его.

Хрипловатый голос герцога раздался из-за каменного чудовища.

- Итак, мисс Джонс, где вы были все эти годы?

- Была? - переспросила она через плечо, силясь справиться с непослушной завязкой.

- Ваши родители весьма неожиданно уехали из Египта. Это случилось сразу после смерти моего отца. Куда вы направились?

– Боюсь, я не могу ответить на ваш вопрос, ведь я тогда была совсем маленькая. – Белла старалась говорить ровным, спокойным тоном – и все ради своей цели. – Мы много путешествовали с тех пор, как папа заинтересовался изучением древних цивилизаций.

– Расскажите мне, где вы странствовали?

– Ездили туда-сюда по Азии и Ближнему Востоку. Мое детство прошло в скитаниях – в караванах, ночевках в лагерях под открытым небом, в посещениях многих археологических памятников. А потом...

А потом родились двойняшки, мама умерла, и семья перестала мыкаться по свету как бродяги. Они поселились в горах южной Персии возле руин Персеполиса, потому что даже папа был вынужден признать, что было бы неразумно брать с собой двух младенцев в долгие экспедиции, да еще в таких опасных и суровых краях.

– А потом? – спросил Майлз с другой стороны статуи.

Белла сглотнула застрявший в горле комок. Ей не следует рассказывать герцогу, что у нее есть брат и сестра, находящиеся сейчас в Оксфорде под бдительным присмотром соседки, миссис Норрис. Чем меньше он знает о ее личной жизни, тем лучше. Она никогда не станет обсуждать брата и сестру с этим тираном.

К тому же ей не хотелось усложнять историю, которую ей предложила рассказать леди Милфорд. Белла пришла в Эйлуин-Хаус с определенной целью. И для достижения этой цели ей надо вплести в узор ее выдумки немного лжи и полуправды.

Настало время обвести герцога вокруг пальца.

С нетерпением ожидая, когда Изабелла Джонс поведаёт что-то ещё о своём прошлом, Майлз переступал с ноги на ногу. Статуя Гора загоразивала её от него. Он видел лишь краешек её платья, когда она наклонилась, чтобы завязать подвязки. Какого черта она так долго с ними возится? Надо было ему самому сделать это.

Майлз представил, как его руки пробираются ей под юбки, только на этот раз они проскальзывают вверх до самых бедер и даже выше. У неё страстная натура, учитывая, как она отреагировала на кражу своего кинжала. Как чудесно было бы устроить игру с её подвязками, ласкать её гладкую кожу с этими странными татуировками, а потом как бы случайно подняться ещё выше и прикоснуться к влажным складкам её лона, а затем, перейдя к более решительным действиям, заставить её кричать от наслаждения...

Жар охватил его чресла, и он поспешно отогнал от себя эту картину. Страсть – это бессмысленное развлечение. Он не настолько глуп, чтобы уложить в постель старую деву, пусть даже она и получила столь эксцентричное воспитание. Все, что ему было нужно от мисс Джонс, – это информация о сэре Сеймуре. Он хотел понять, почему этот мерзавец в такой дьявольской спешке покинул Египет.

Майлз не мог отделаться от неприятной мысли, что в этом деле имела место грязная игра и что кто-то заплатил расхитителям гробниц за убийство его отца. Но если сэр Сеймур был преступником, что он от этого выиграл?

Он не взял с собой ничего ценного, убегая в ночь со своим семейством. Майлзу тогда было всего тринадцать лет, но он облазил раскопки вдоль и поперек. Каждый артефакт был запечатлен в его памяти. И он ни разу не видел, чтобы двое мужчин ссорились.

Внутри у него все сжалось. Нет, единственная ссора произошла между Майлзом и его отцом...

В это мгновение Белла Джонс вышла из-за каменной статуи. Луч солнца осветил её глаза и позолотил несколько прядей в её русых волосах. Она глубоко вздохнула, её грудь приподнялась, вновь привлекая его внимание к её фигуре.

– Вы хотели узнать, что со мной было дальше, – мрачным тоном произнесла она. – В прошлом году папа умер от лихорадки в Персии. Я всегда помогала ему

как ассистент, переписывала его заметки, разбираала бумаги. Но после его смерти я лишилась средств к существованию.

Майлза охватило изумление.

– Отец ничего не оставил вам?

– Боюсь, совсем немного. Видите ли, мы всегда с трудом сводили концы с концами, продавая какие-то мелкие древности, зарабатывали только на то, чтобы прожить. – Прикусив губу, она посмотрела в окно, прежде чем вновь встретиться с ним глазами. – После того как папа умер, это стало невозможно. Местные власти не могли позволить обычной женщине заниматься торговлей. И поскольку мне было некуда пойти, я вернулась в Англию в надежде найти работу. В конце концов, тут моя родина.

– А у вас нет родных, которые могли бы вас принять?

– Нет, они или умерли, или не хотят иметь дела с женщиной, которая выросла среди иноземцев. Как бы там ни было, они для меня незнакомцы. Я бы предпочла сама зарабатывать себе на жизнь.

Неудивительно, что она носит с собой кинжал для защиты. Но Майлзу не хотелось думать о ее печальной ситуации. Его не интересовала ее жизнь. Все, что ему нужно, – это информация.

– Напрасно сэръ Сеймур не продал больше артефактов, – заметил он. – На рынке древностей можно сколотить целое состояние.

Услышав критическое замечание в адрес отца, Белла сжала губы и провела пальцем по статуе Гора. Это был единственный намек на горячую женщину, скрывавшуюся за фасадом старой девы.

– При всем моем уважении, ваша светлость, не у всех есть средства, чтобы привозить реликвии вроде этой в Англию, где за них дают больше денег. Мой отец продавал артефакты дилерам за меньшие суммы. И он был рад этому, потому что предпочитал изучать древние цивилизации, а не получать от них доход. И...

– И?...

– И знакомство с одним из этих дилеров оказалось весьма полезным для меня. – Она опустила подбородок и посмотрела на него широко открытыми глазами. – Видите ли, по прибытии в Лондон я навестила коллегу моего отца, антиквара, с которым мы познакомились за границей. Мистер Смитерс упомянул, что недавно он свел знакомство с вами.

Майлз был шокирован. Темноволосый мужчина с обветренной красной физиономией и в кричащей одежде явился к нему, словно из ниоткуда, три дня назад и извел его своей болтовней, прежде чем этого парня выгнали из дома.

– Вы знаете этого болтуна? Он пришел ко мне под ложным предлогом, уверяя, что у него есть на продажу несколько редких египетских вещиц. А потом попытался продать мне коробку обычных скарабеев.

– Неужели? – удивилась Белла. – Вероятно, он не понял, что вы – крупнейший коллекционер. – Она склонила голову набок. – Должна признаться, что именно мистер Смитерс предложил мне навеститься в Эйлуин-Хаус. Ему было известно, что папа много лет назад работал с вашим отцом. И именно он сообщил мне, что вы хотите нанять помощника.

– Что за чушь?! – Майлз усмехнулся. – Простите меня, мисс Джонс, но, боюсь, вы ошибаетесь. Этот Смитерс имел наглость заявить, что мне нужна помощь. Это была его идея, а не моя.

Белла подошла ближе.

– Однако без сомнения, в его замечании была доля правды, ваша светлость, – проговорила она. – У вас огромное количество артефактов – не только в этой комнате, но и по всему дому. Я видела их, когда...

– Когда тайком крались по коридору?

– Я должна была поговорить с вами, ваша светлость, – твердо сказала Белла. – Я не могла рискнуть и допустить, чтобы меня выставили из вашего дома без аудиенции. Потому что, видите ли, я бы очень хотела получить должность

куратора.

От изумления Майлз открыл рот. Так вот в чем состояла ее игра! А ведь он с самого начала заподозрил, что у нее был какой-то внутренний мотив нанести ему визит. И мисс Джонс была полна решимости доказать ему, что она – та, за кого себя выдает. Он ожидал, что, ссылаясь на знакомство ее отца с его семьей, она начнет выпрашивать артефакт-другой – что-то, что она сможет продать, чтобы жить на полученные деньги.

Но такое! Веселенькая перспектива – нанять болтливую и навязчивую женщину, которая будет отрывать его от работы. Женщину, которая смотрит на него самыми большими и голубыми глазами, какие он когда-либо видел.

Раздраженный этим прямым взглядом, он начал ходить взад-вперед.

– Мне очень жаль, но мистер Смитерс ввел вас в заблуждение. У меня нет должности куратора, на которую я искал бы человека. Я всегда работал в одиночку.

Белла начала мерить комнату шагами рядом с ним.

– А вы как-то систематизировали все эти артефакты? У вас есть полное письменное описание каждого предмета в доме? Вы сделали копии символов, вырезанных на каждой реликвии? Все это я могла бы сделать вместо вас.

Герцог еще не сделал ничего этого, и было бы хорошо иметь все эти описания, вот только он не собирался говорить об этом мисс Джонс.

– Не смешите меня! – бросил он. – Даже речи быть не может о вашем найме. Да что вы вообще знаете об истории Египта?

– Мне многое известно о других древних цивилизациях. И это открывает передо мной большие перспективы. Все остальное я могу узнать. – Она остановилась и скрестила руки на груди. – Кроме того, я получила много полезных навыков, помогая отцу в работе. Я знаю, как составлять каталоги. Я могу сделать копии документов и систематизировать ваши записи. И я обещаю быть тихой, как мышка. Вы даже не будете замечать моего присутствия в доме. Если хотите, я

буду работать в другой комнате, чтобы не мешать вам.

Эйлуин сдержал резкий смешок. Белла Джонс будет мешать ему, да еще как. Один взгляд в эти лазурно-голубые глаза предвещал беду. Он должен забыть нежность ее мягкой кожи, забыть, какие у нее стройные ноги. Все его инстинкты подсказывали ему немедленно выгнать мисс Джонс из дома.

И все же... он ведь еще не закончил наводить справки о сэре Сеймуре. Майлзу безумно хотелось продолжить расспросы, чтобы получить дополнительную информацию об ее отце. Возможно, есть крупница правды, которую он сумеет выудить из ее памяти, что-то, что закроет дверь в ту страшную ночь раз и навсегда.

Что-то, что облегчит бремя его собственной вины.

Ее рука опустилась на его рукав – это было едва заметное прикосновение, которое, тем не менее, встряхнуло его.

– Прошу вас, ваша светлость, я буду самым преданным слугой в вашем штате. По крайней мере, дайте мне испытательный срок в две недели, в течение которых я смогу проявить себя...

– Хорошо, – прорычал герцог, отходя от Беллы, отчего ее рука упала с его предплечья. – Две недели, а потом я еще раз оценю, какая от вас польза. – Этого времени должно хватить на то, чтобы выяснить все, что ему нужно, а потом он отправит ее собирать вещи.

Губы Беллы изогнулись в приветливой улыбке, осветившей ее лицо.

– Благодарю вас, ваша светлость, – горячо проговорила она. – Вы не пожалеете об этом, уверяю вас, не пожалеете.

Он уже пожалел. Особенно когда его взор упал на тенистую долину между холмами ее груди.

– А теперь бегите на поиски Уитеридж, – проворчал он. – Вы не сможете работать в этой одежде. Вам нужно подходящее для работы платье. –

Оставалось надеяться, это будет унылый коричневый костюм, который прикроет ее до подбородка.

– Уитеридж? – переспросила она.

– Это экономка. – Герцог нетерпеливо взмахнул рукой. – И возвращайтесь в эту комнату только завтра, ровно в девять утра.

Кивнув, мисс Джонс уже хотела было выйти, но потом повернулась к нему.

– А могу ли я... остаться здесь, в Эйлуин-Хаусе? Маленькой комнатки в помещении для прислуги было бы более чем достаточно. Видите ли, так было бы гораздо удобнее для работы.

Она держала голову высоко поднятой, и Майлз только сейчас осенило, что ей, возможно, негде жить. Черт возьми! Он не хотел, чтобы она постоянно болталась тут у него под ногами, нарушая покой и мешая ему сосредоточиться на работе.

Он стиснул зубы.

– Скажите Уитеридж, чтобы она поселила вас в восточном крыле. А теперь, ради бога, убирайтесь и оставьте меня одного!

Его громогласное прощание ничуть не смутило мисс Джонс. Более того, она вновь одарила его своей сияющей улыбкой и, словно спохватившись, присела в реверансе, прежде чем исчезнуть в лабиринте артефактов.

Майлз мрачно смотрел ей вслед, пока она не скрылась за арочной дверью. Потом он опустил глаза на иероглиф, над которым работал до ее прихода, и понял, что утратил сосредоточенность, необходимую для его расшифровки.

Точнее, теперь ему хотелось разгадать тайну Изабеллы Джонс.

Эйлуин все время чувствовал, что она манипулирует им ради собственных целей. И теперь он понял, почему она это делала. Она сильно нуждалась, поэтому ей была необходима работа. Тем не менее, он не выносил, когда им

манипулировали, особенно женщины.

Возможно, причина его раздражения крылась в том, что она будила в нем желание. Прошло уже несколько недель с тех пор, как он посетил один скромный дом в районе Ковент-Гарден, где можно было выбрать одну из целой толпы безымянных красоток. Он должен снова пойти туда. Очень скоро.

Хотя он предпочел бы уложить в постель Изабеллу Джонс.

Не то чтобы она была невероятной красавицей. Но она обладала смелостью и невероятной жизненной силой, придававшими ей очарование. Ее голубые глаза так велики, что мужчина может в них утонуть. Стройные ноги, покрытые татуировками, придавали ей экзотики. Ему так понравилось гладить ее нежную кожу, водить пальцем по замысловатым рисункам, отличавшим ее от всех женщин, которых он когда-либо знал. Ему так хотелось скользнуть рукой вверх, чтобы исследовать ее тело...

Майлз запустил пальцы в волосы. О том, чтобы соблазнить ее, не может быть и речи. Девственниц не соблазняют, а она, бесспорно, невинна. Шокированное выражение, появившееся на ее лице, когда он прикоснулся к ее ноге, не было наигранным. Хотя бы по этой причине он должен выбросить ее из головы.

Трудная задача, учитывая, что его все еще окружали признаки ее присутствия. Чертов капор по-прежнему болтался на статуе Сехмет, богини войны с головой льва. Он все еще ощущал нотки ее женского аромата – легкого и пьянящего, так не вязавшегося со знакомыми запахами пыли и древнего камня. Майлз снял ее кинжал с верхней части гранитной стелы и взвесил его в руке. Судя по резьбе на рукоятке из слоновой кости, кинжал был сделан в Персии.

Майлз бросил его на бумаги. Это оружие надо спрятать в каком-нибудь надежном месте. Не исключено, что Изабелла Джонс захочет всадить кинжал ему меж ребер в порыве гнева или обиды.

Стиснув зубы, он присел на корточки перед стелой и рассеянно провел пальцем по незнакомому иероглифу. Какого дьявола он нанял эту женщину?! Да, ему нужно вытянуть из нее информацию об ее отце, но для этого нет необходимости пускать ее под свою крышу. Он должен был засыпать ее вопросами, а вместо этого позволил ей задобрить его. И вот теперь он будет вынужден две недели

провести в своем святилище с незваной гостьей.

Или нет.

Герцог обдумывал возможное решение. Господи, если бы он побыстрее узнал от нее, что хотел, тогда проблема была бы решена. Он смог бы выгнать ее из Эйлуин-Хауса и как можно скорее вернуться к привычной упорядоченной жизни.

* * *

Внезапный яркий свет вывел Беллу из глубокого сна. Щурясь, она приоткрыла глаза и увидела смутные очертания фигуры, раздвигающей у окна синие парчовые шторы.

Все еще находясь в полусонном состоянии, она приподняла голову с пуховой подушки и заморгала, чтобы сфокусировать зрение. Ее тут же смутила синяя с желтым отделка комнаты и отличная мебель. Где та крохотная спальня, в которой они с Лейлой спали? Где изъеденные молью бежевые шторы и маленький умывальник с потрескавшимся фарфоровым тазом?

И тут она явственно вспомнила события минувшего дня. Она оставила брата и сестру в Оксфорде на попечение соседки и провела ночь в Лондоне в такой огромной комнате, что в нее поместился бы весь их коттедж.

Приблизившись к кровати под балдахином, полуразмытая фигура материализовалась в крепкую кареглазую девушку с веснушчатым лицом и рыжими волосами, выбивавшимися из-под белого чепца. Поверх черного платья на ее талии был повязан белый накрахмаленный и отглаженный фартук.

– Прекрасное утречко сегодня, – сказала она, делая книксен. – Миссис Уитеридж велела разбудить вас ровно в семь. Чтоб, значит, вы могли помочь герцогу.

Эйлуин! Белла должна встретиться с ним в девять часов, чтобы получить инструкции.

Возбуждение вмиг окончательно пробудило ее. Ее план сработал! Она убедила герцога нанять ее! И уже сегодня, если представится возможность, она сможет

начать поиски пропавшей карты сокровищ.

Сев, она откинула в сторону одеяло.

– Спасибо большое за напоминание, – обратилась она к девушке. – Кстати, как тебя зовут?

– Мое имя Нэн. Я буду вашей горничной.

– Моей горничной? – переспросила Белла. – Зачем?

– Так же ж, помогу вам собраться. Притащу ваше платье и горячей воды для умывания в гардеробную.

Спустив ноги с кровати, Белла поежилась: воздух был просто ледяным. Стоял уже конец мая, но в комнате все еще прятался ночной холод.

– Но я же буду работать на герцога, – вымолвила она. – Разве это не делает и меня служанкой?

– Че не знаю, то не знаю, мисс, – с сомнением проговорила Нэн. – Вы ж леди, и миссис Уитеридж велела мне вам прислуживать. – Нэн торопливо бросилась за стоявшими на полу туфельками. Наклонившись, чтобы надеть их на Беллу, она воскликнула: – Боже! Ваши ноги!

Белла поняла, что под ночной рубашкой горничная разглядела ее татуировки. Она быстро выбралась из постели, но подол ночной сорочки был чуть короток и не прикрывал рисунки.

Она опустила глаза и печально посмотрела на нарисованные краской символы, изображенные выше ее лодыжек.

– Боюсь, они довольно некрасивые. Эти рисунки выбила моя няня-иностранка, когда я в детстве гостила в Египте.

Глаза Нэн округлились, как блюдца, когда она еще раз оглядела татуировки.

- Ну и ну! И че, больно было? Она иголками пользовалась?

- Честно говоря, не помню. Я была тогда еще совсем маленькая.

- Ну и ну, - повторила Нэн, подавая Белле ее старую зеленую шаль. - Я прям не ожидала такое увидеть, честное слово. Но ваще-то, они красивые. Будто браслеты на лодыжках.

На сердце у Беллы стало теплее.

- Спасибо тебе за эти слова, - сказала она с улыбкой.

Нэн не улыбнулась в ответ, а ее медные брови обеспокоенно опустились.

- У мистера Хасани тоже есть такая отметина - на затылке. Но она меня пугает, ей-богу.

- А кто этот мистер Хасани?

- Камердинер хозяина. Он иностранец, из Египта. - Она огляделась по сторонам, словно у стен были уши, и продолжила, понизив голос: - Его рисунок похож на глаз... глаз, который наблюдает за тобой с его затылка.

По коже Беллы пробежали мурашки.

- Не говори глупостей! Никто не может видеть татуированным глазом.

- Как скажете, мисс, - поспешила согласиться Нэн, хотя ее явно не убедили слова Беллы.

Горничная опустилась на колени перед очагом, чтобы вычистить оттуда пепел, а Белла направилась в гардеробную, чтобы совершить утреннее омовение. Как интересно узнать, что у Эйлуина слуга из Египта. Она надеялась познакомиться с этим парнем и посмотреть на его татуировку, которая так пугает горничную. Сама она ни на мгновение не поверила, что рисунок имеет какие-то сверхъестественные свойства. Точно так же, как и ее татуировки не способны оградить ее от болезней, что Белле было известно. В конце концов, она не раз

переносила какие-то мелкие заболевания.

Стоя возле умывальника, она плеснула воды себе в лицо и явственно вспомнила, как герцог объяснял ей значение этих символов. Он погладил их кончиками пальцев. И так низко склонил голову к ее ноге, что его теплое дыхание коснулось ее кожи. При одной мысли об этом что-то сжалось внизу ее живота.

Ни один мужчина никогда так не действовал на нее. Хотя, с другой стороны, ни один мужчина никогда не задирал ей юбки. Он был мужественен и сексуален и намеренно этим пользовался, чтобы ее запугать. Эйлуин украл ее кинжал, и это до сих пор приводило ее в ярость. Он – грубиян и деспот, и Белла с нетерпением ждала мгновения, когда он будет вынужден отдать папину часть сокровищ фараона.

Прошлой ночью, лежа в одиночестве в своей темной комнате, Белла долго ворочалась с боку на бок, вспоминая каждую деталь их встречи. Герцог Эйлуин был груб, туп и высокомерен. Он рычал, и кричал на нее, и метался взад-вперед по комнате, как зверь, хотя он и есть зверь.

Но она одержала над ним верх. И он даже этого не знает. А она бесстыдно лгала ему, чтобы заставить его нанять ее.

Вспоминая собственную ложь, Белла потянулась за полотенцем, чтобы вытереть лицо. Она никогда не встречалась с мистером Смитерсом. И даже если этот человек приехал за границу как торговец древностями, она этого не знала. Леди Милфорд научила ее, что сказать. По какой-то причине эта женщина пошла на многое, чтобы проложить Белле путь.

Нет, ее отцу.

Леди Милфорд призналась, что изначально приехала в оксфордский коттедж, чтобы рассказать о должности куратора папе. Белла до сих пор не понимала, почему. Неужели леди Милфорд хранила чувства к нему все эти годы? Если они были друзьями, почему папа никогда не говорил об этой женщине? Однако как бы там ни было, леди Милфорд совершила невероятный поступок. Возможно, это каким-то образом связано с чем-то вроде духа товарищества среди аристократов.

Вздыхнув, Белла оставила попытки понять причуды знатных вельмож.

Но она не жалела, что обвела Эйлуина вокруг пальца. Ни на йоту. «Вернись в Оксфорд... – прошептал папа на смертном одре. – Обещай мне... Разущи Эйлуина... Найди карту... Тебе принадлежит половина сокровищ фараона...»

Белла с трудом сглотнула. Теперь, когда она познакомилась с герцогом и своими глазами увидела, как он холоден и бездушен, у нее появилось большое подозрение, что именно он обманным путем лишил папу законной доли сокровищ фараона. Это придало ей еще больше решимости найти карту и доказать свою правоту.

Глава 7

Белла была слишком взволнована, чтобы позавтракать еще чем-то, кроме тоста и горячего шоколада, который Нэн принесла из кухни на серебряном подносе. К тому времени, когда позолоченные, богато украшенные часы на каминной полке пробили восемь, она была готова начать работу, хотя до назначенного времени оставался еще целый час.

Белла в последний раз посмотрелась в трюмо и покрутилась, чтобы разглядеть себя со всех сторон. Платье цвета морской волны, которое дала ей миссис Уитеридж, имело высокий вырез и длинные рукава. Отражение Беллы выглядело серьезным и деловитым, особенно с волосами, затянутыми в строгий пучок. Как там Эйлуин описал их цвет? Серо-коричневый.

Ну и бог с ним. Пусть даже так, это ей лишь на руку – так она легко добьется цели выглядеть обычной, ничем не примечательной, незаметной. Станет такой женщиной, которую никто не замечает. Сливаясь с фоном, она не будет привлекать к себе внимания, роясь в вещах Эйлуина.

Выйдя из гардеробной, Белла увидела Нэн, которая взбивала подушки на большой кровати под небесно-голубым балдахинном.

– У его светлости есть библиотека? – поинтересовалась Белла. – Я хочу осмотреть ее перед началом работы. Если ты не против.

– Минуточку, мисс. В этом огромном доме легко заблудиться.

Они вышли из спальни, в дверях горничная пропустила Беллу вперед. Их шаги эхом отдавались в длинном увешанном пейзажами коридоре с мириадами закрытых дверей по обе стороны.

– Это все спальни? – спросила Белла, которую ошеломило это предположение. – Здесь спят слуги?

Нэн захихикала.

– Да не, это ж неприлично, – отозвалась она. – Наши комнаты в мансарде. Восточное крыло предназначено для знатных гостей навроде вас.

Белла решила, что в Англии надо завести кастовую систему, как в Индии, где человек рождается, имея определенное положение в жизни. Должно быть, именно поэтому Эйлуин поселил ее на этом этаже, хоть она и была его служашей.

Выросшая за границей, она не много думала о титуле своего отца или о собственной голубой крови. Белла считала, что ничем не отличается от местных крестьян, которые зарабатывают себе на жизнь. Ее единственным постоянным домом была каменная хижина в горах, где ей приходилось готовить на открытом огне и таскать воду из расположенного неподалеку ручья.

Она и представить себе не могла, что когда-нибудь окажется в таком дворце, как Эйлуин-Хаус.

– Я слыхала, что старый герцог до самой смерти устраивал много больших балов в Эйлуин-Хаусе, – затараторила Нэн. – Разные лорды и леди ночевали во всех этих спальнях. А сейчас тут стало совсем скучно, потому как больше никто не приезжает в гости.

Подойдя к мраморной лестнице, Белла положила руку на резную стойку перил.

– Выходит, я здесь одна? И на этом этаже занята только моя комната?

– Ага. – Карие глаза Нэн испуганно расширились. – Вы же, какие-нить странные звуки услышали прошлой ночью? Некоторые думают, что в восточном крыле обитают... привидения.

Белла спрятала улыбку. Ей не хотелось обижать девушку, подшучивая над ее наивностью.

– Уверяю тебя, тут было тихо, как в склепе. А почему бы теперь тебе не помочь мне запомнить дорогу? А то я не хочу, подобно сказочным героям, оставлять за собой след из хлебных крошек!

Пока они спускались по лестнице и шли еще несколькими коридорами, Белла старалась запоминать статуи, бюсты на пьедесталах и другие предметы, на которые указывала ей горничная, чтобы они впоследствии могли служить ей ориентирами. Многие из них были уменьшенными копиями древнеегипетских артефактов в большом зале. А в вестибюле она увидела даже обелиск, возносившийся к стеклянному куполообразному потолку.

Наконец они приблизились к открытой двери, обрамленной позолоченным деревом.

– Вот она, библиотека-то, мисс. А за углом и вверх по лестнице будет бальный зал, в котором хозяин работает почти каждый день. – Нэн указала дорогу. – Его совсем нетрудно найти, вот увидите.

Бормоча слова благодарности, Белла направилась в библиотеку. Ей надо было торопиться: наверняка до встречи с Эйлуином оставалось меньше часа. Однако при виде великолепия этой комнаты у нее перехватило дыхание, и она остановилась, чтобы полюбоваться окружающей обстановкой.

Во всех своих путешествиях Белла ни разу не видела так много книг в одном месте. В огромной комнате тут и там стояли письменные столы и удобные кресла, в которых можно было свернуться калачиком и почитать, а у стены располагались два огромных камина из мрамора цвета сливок. На темных дубовых стеллажах стояли тысячи томов в кожаных переплетах, и ей захотелось как-нибудь на досуге полистать каждый из них. Вдобавок к этому маленькая

лесенка вела к узкому балкону, огибающему стены библиотеки и позволяющему добраться до верхних полок.

Белла пришла сюда с целью найти определенную книгу, но обилие томов ошеломило ее. Откуда ей знать, с чего начать поиски?

– Могу я предложить вам помощь? – раздался у нее за спиной мелодичный голос.

Обернувшись, Белла увидела невысокого коренастого мужчину, стоявшего в алькове позади нее. Его просторная белая рубаша спадала до колен, закрывая темные штаны. Это был человек средних лет с редкими волосами благородного оттенка соли с перцем, со смуглой кожей и широким, чисто выбритым лицом.

Его темные глаза смотрели прямо на нее. Казалось, он изучает Беллу так же внимательно, как она его.

Она сразу догадалась, кто перед ней.

– Здравствуйте, вы, случайно, не мистер Хасани?

Камердинер-египтянин сложил ладони вместе и слегка поклонился в знак признательности, но недостаточно низко, чтобы она могла разглядеть татуировку у него на затылке.

– Вы должны называть меня просто Хасани, без «мистера», – проговорил он с легким акцентом, объясняющим мелодичность его голоса. – А вы, вероятно, мисс Джонс. Его светлость сообщил мне о вашем приезде.

Белле оставалось только догадываться, какими нелестными словами Эйлуин описал ее. Его нежелание нанимать ее куратором было очевидным. И она все еще не понимала, отчего он уступил. Быть может, ему всего лишь нужна дешевая рабочая сила на две недели.

– Я помогу герцогу составить каталог его артефактов и займусь любыми другими заданиями, которые он мне даст, – объяснила она.

– Понятно. Он познакомился с вами в Египте много лет назад.

– Да, но я тогда была совсем маленькой девочкой. Мой отец, сэръ Сеймур – известный археолог. Он работал вместе с отцом Эйлуина.

Хасани одарил ее очаровательной улыбкой.

– Ах, так, выходит, вы – старый друг семьи, – заметил он. – Я к вашим услугам. Вы искали здесь какую-то определенную книгу?

– Я надеялась найти полную историю Древнего Египта, – объяснила Белла. – Что-то, что даст мне общее представление о ней. – Белла покосилась на возвышавшиеся вокруг них стеллажи с книгами. – Но, признаюсь, я просто поражена размерами этой библиотеки. Даже не знаю, с чего начать поиски.

– Буду рад помочь вам, – сказал Хасани. – Следуйте за мной, пожалуйста.

Он заскользил по просторному помещению, пробираясь по лабиринту столов и стульев. Белла поспешила следом за ним. Сгорая от любопытства, она воспользовалась возможностью изучить его крепкую спину, но, к сожалению, высокий ворот рубахи скрывал его шею. Никакой татуировки, так напугавшей ее горничную, Белла не увидела.

Хасани остановился у стола с письменными принадлежностями и глобусом.

– У его светлости много книг о моей родине, среди них есть исторический труд, написанный римлянином Плинием Старшим. Но, по-моему, тут есть одно издание, которое будет вам особенно полезно.

Он наклонился, чтобы вытащить книгу с полки стеллажа, стоявшего позади стола. При этом воротник его рубахи съехал вниз, и Белла наконец увидела его: один глаз, нарисованный краской у Хасани на затылке. Миндалевидный глаз венчала черная бровь, а снизу его обвивали две линии.

Белла невольно вздрогнула. Она должна была признать, что татуировка выглядит весьма зловеще, поскольку зрачок глаза, казалась, был устремлен прямо на нее.

Откуда у него такая татуировка? Что она означает?

Белле очень хотелось задать эти вопросы Хасани, но он же был для нее незнакомцем и, более того, иностранцем, а она не хотела бы его обидеть. На большей части Ближнего Востока существовали культурные табу, и Хасани мог счесть вмешательством в личную жизнь столь откровенные вопросы, заданные женщиной.

К тому же ей понравилось его дружелюбие и разговорчивость, и она не хотела рисковать. В какой-то момент он может стать источником информации в поисках пропавшей карты.

Хасани выпрямился, держа в руках толстый том. Если даже он заметил ее интерес к его шее, то не подал виду. Вместо этого он благоговейно положил книгу на стол и открыл ее на иллюстрации с изображением трех каменных сооружений посреди пустыни.

– Это три великие пирамиды, – промолвил он. – Они были построены много тысячелетий назад.

Белла подошла ближе, чтобы рассмотреть рисунок. Одетый в длинное одеяние человек на верблюде казался карликом по сравнению с этими сооружениями.

– Какие они огромные! – воскликнула она. – Это усыпальницы?

– Да, они служили местом упокоения для нескольких фараонов, – с готовностью ответил Хасани. – Находившиеся под властью разных династий египтяне первыми разработали основы математики и науки, искусства и архитектуры. – Хасани с гордостью приподнял подбородок. – Мой народ умел читать и писать, когда весь остальной мир все еще жил в пещерах.

– Невероятная история, – заметила Белла. – Буду с нетерпением ждать возможности побольше узнать об этом.

Она потянулась было к тому, но Хасани опередил ее.

– Сейчас нет времени рассматривать эту книгу, мисс Джонс. С вашего позволения, я прикажу отнести ее в вашу комнату. Его светлость сильно разгневадается, если вы опоздаете на встречу с ним.

- О! Конечно! Должно быть, уже около девяти.

- Да, почти. Я немедленно покажу вам дорогу.

Когда они вышли из библиотеки, Хасани искоса посмотрел на Беллу, а его губы изогнулись в довольно хитрой улыбке.

- Я не был до конца откровенен с вами, мисс Джонс, - признался он. - Возможно, вы будете удивлены, но это не первая наша встреча.

Белла, моргая, посмотрела на его оливковое лицо. Вчера, когда она заходила в расположенную внизу комнату для прислуги, чтобы познакомиться с миссис Уитеридж, разговорчивой экономкой, ей представили целую компанию слуг. Но Хасани она там не видела.

- Да?

- Когда я видел вас в последний раз, вы были маленькой девочкой примерно вот такого роста. - Он опустил руку ладонью вниз до пояса.

Они стали подниматься по парадной лестнице, и у Беллы от изумления перехватило дыхание.

- Так вы знали меня в Египте! - воскликнула она. - Я должна была догадаться! Стало быть, герцог пользовался там вашими услугами.

- Да, я приехал в Англию много лет назад. И теперь мой дом здесь. - Помолчав, Хасани задумчиво добавил: - Так вы ничего не помните о вашем пребывании в Египте?

Белла покачала головой.

- Боюсь, что нет. Тем не менее, мне кажется, что я должна извиниться за то, что вас не узнала.

– О, это не важно! Возможно, некоторые вещи лучше забыть. В особенности жестокое убийство отца его светлости, совершенное расхитителями гробниц. Они перерезали ему горло и оставили умирать одного посреди пустыни. – Сделав это тревожное заявление, Хасани махнул рукой в сторону арочного дверного проема: – Вам сюда, так что пока мы должны попрощаться. Хорошего вам дня, мисс Джонс.

Белла посмотрела вслед этому человеку, шагающему по коридору с книгой по истории Египта, которую он для нее выбрал. Она огорчилась из-за того, что он так резко оборвал разговор с нею. Ей хотелось бы еще потолковать с Хасани, расспросить его об Египте. Он был интересным человеком, обаятельным и услужливым.

В отличие от своего хозяина.

Ее желудок сжался, так она разнервничалась в ожидании предстоящей встречи. Зато она сразу начнет свои поиски, как только получит доступ к принадлежащей Эйлуину частной коллекции древностей.

Белла разгладила ладонями платье, а затем сделала то же самое с волосами, проверяя, нет ли выбившихся из тугого пучка прядей. Она должна выглядеть хладнокровной и деловитой, надежной помощницей, которой можно позволить работать без присмотра.

Настала пора встретиться со зверем в его логове.

Глава 8

Белла застала герцога на том же самом месте, где она оставила его накануне: перед высокой каменной стелой со странными иероглифами, вырезанными на камне. Поскольку ее чудесные туфельки бесшумно ступали по пыльному паркетному полу, а новое платье цвета морской волны больше не шелестело без многочисленных нижних юбок, он не услышал, как она подошла.

Хотя, возможно, он был просто поглощен своей работой.

Белла остановилась, чтобы рассмотреть его. Герцог сидел на табурете, наклонившись набок, и она смогла увидеть, как белая рубашка обтягивает его широкие плечи. Все его внимание было направлено на стопку бумаг, лежащих у него на коленях. К большому удивлению Беллы, на нем были очки в золотой оправе.

Его брови под спутанной прядью кофейно-каштановых волос были сосредоточенно нахмурены. Когда его указательный палец приблизился к листу бумаги, Белла увидела, что вместо слов на нем были нарисованы символы, похожие на изображения, которые она видела на многих артефактах.

Белла была поражена тем, что сегодня Эйлуин показался ей не таким уж и страшным. Возможно, более человеческий облик ему придавали очки. Или солнечный свет, смягчающий его суровые и красивые черты. Как бы там ни было, он выглядел как обычный человек, сосредоточенный на решении какой-то проблемы.

Но иллюзии Беллы были утрачены, когда герцог бросил через плечо:

– Подойдите ближе, мисс Джонс. Я не кусаюсь.

Раздосадованная тем, что он заметил ее испытующий взгляд, Белла шагнула вперед и остановилась перед ним. Она была полна решимости держаться вежливо ради своих поисков.

– С моей стороны было бы грубостью прерывать ваши размышления, – проговорила она. – Я часто замечала у своего отца такое же выражение сосредоточенности, когда он работал со своими записями. Отец всегда просил меня подождать, пока он закончит.

Эйлуин повернулся на табурете, снял очки и посмотрел на нее снизу вверх. Когда его пронизательные карие глаза оглядели ее новое платье, он нахмурился еще сильнее. Мисс Джонс приготовилась к женоненавистническому замечанию. Выражение ее лица оставалось спокойным и сдержанным, а про себя она решила прибегнуть к дипломатии, чтобы отклонить любую критику.

– А что за записи он вел? – поинтересовался Эйлуин.

– Отец? – переспросила Белла, сбитая с толку его вопросом. – Ну-у... в конце каждого дня он записывал свои мысли и наблюдения об объекте, который он исследовал. Он писал очень быстро, и его почерк оставлял желать лучшего. Иногда, когда отец исписывал целый том, он просил меня отредактировать и переписать свои записи.

– Вы путешествовали с сэром Сеймуром очень много лет. У вас должно быть много таких записных книжек. Где они сейчас?

Белле не хотелось говорить герцогу, что бумаги ее отца все еще лежат в ящиках в их оксфордском колледже. Эйлуина все это не касалось.

– Они... хранятся... ждут времени, когда я снова смогу работать с ними, – уклончиво ответила она.

– Вы все еще их редактируете?

Белла не решалась открыть свои планы на будущее этому человеку. Хотя, возможно, они убедили бы его, что она действительно интересуется древними цивилизациями.

– Вообще-то я надеюсь когда-нибудь собрать лучшие его записи и объединить их в книгу, пригодную для публикации. Думаю, ученые были бы рады прочитать о путешествиях папы в дальние страны. Он очень много знал о далеких местах, куда западные люди редко наведываются.

Отложив бумаги, герцог поднялся во весь свой внушительный рост.

– Мне любопытно. А он вел дневник о своем пребывании в Египте?

Белла подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и ее сердце на мгновение замерло.

Доминирующее мужское начало в Эйлуине было так очевидно, что она потеряла самообладание. Глаза герцога походили на темные зеркала, скрывающие его мысли. Хуже того, в его пытливых вопросах таилась напряженность, которую она не вполне понимала.

– Если папа и делал там заметки, я их никогда не видела, – ответила она. – Я понятия не имею, что случилось с его ранними записями и делал ли он их вообще в то время. А почему вас это интересует?

– Потому что если бы вы их прочитали, то получили бы элементарные знания об истории Египта. Но, похоже, вы в этом деле еще новичок.

Герцог вновь обрел надменный вид. Белла про себя окрестила его «герцогским».

– Со всем моим уважением, ваша светлость, хочу заметить, что я никогда не утверждала обратного. Но, возможно, вам понравится, что я взяла на себя смелость позаимствовать в вашей библиотеке книгу об истории Древнего Египта, чтобы начать заниматься самообразованием.

– Да уж, звучит обнадеживающе, – с едким сарказмом промолвил он. – Ну ладно, вы потратили впустую немало моего времени. Я покажу вам, где вы будете работать. – И, словно она была собакой, которая должна бежать за ним по пятам, Эйлуин скомандовал: – За мной!

А потом он прошел мимо нее и направился к двери.

Следуя за ним, Белла подавила вспышку раздражения. Неужели никто и никогда не учил его хорошим манерам? Она сердито смотрела на его узкую талию, конусом сужавшуюся к бедрам, на длинные ноги, обтянутые черными брюками. Без сомнения, он считает, что его высокий титул герцога дает ему право повелевать низшими существами. Но сейчас не феодальные времена. Она – независимая женщина, а не его служанка. И если он вознамерился запугать ее, то ему это не удастся.

Эйлуин мчался впереди нее по просторному коридору – тому самому, где он накануне увидел ее прячущейся за одной из массивных белых колонн. Приподняв синюю саржу юбки, Белла практически бежала по малиновой ковровой дорожке, пока не догнала его.

– Ваша светлость, я бы очень хотела оценить масштаб вашей коллекции. Я была бы благодарна, если бы вы указали мне на комнаты, в которых вы храните любые египетские предметы.

Он снова смерил ее «герцогским» взглядом.

– Нет, вы не должны бродить тут, где вздумается, и соваться туда, где вам не место.

Белла что было сил старалась казаться легкомысленной.

– Боюсь, мне будет непросто не блуждать тут время от времени, – сказала она. – Существует реальная опасность того, что я потеряюсь в таком громадном особняке.

– В таком случае я посоветовал бы вам побыстрее тут освоиться. Иначе моментально отсюда вылетите.

Белла поджала губы. Его неприветливость не предвещала ничего хорошего для ее миссии. Ей нужно хотя бы предположить, где он может хранить античную карту. Она попробовала еще раз:

– Но если бы вы устроили мне тур по дому...

– Это ни к чему, – перебил ее герцог. – Все рабочее время вы будете проводить в Голубой гостиной.

– В гостиной? – Белла тут же представила себе комнату, забитую альбомами для рисования и мольбертами, карандашами и красками. Как странно! Интересно, чего он от нее ждет? Что она будет рисовать египетские статуи? Стоит ли ей признаться ему, что умение рисовать не входит в число ее достоинств?

Пока Белла раздумывала над этой дилеммой, герцог резко остановился в проходе, рывком открыл большую дверь и вошел внутрь.

Идущая за ним Белла оказалась в гигантской, слабо освещенной комнате с бледно-голубыми стенами и высоким потолком. Лишь несколько тонких солнечных лучиков пробивалось сюда сквозь темно-синие портьеры, закрывавшие высокие окна. Никаких принадлежностей для рисования не было видно. Равно как и признаков обычной мебели вроде столов и стульев.

Вместо этого вся комната была доверху забита ящиками и статуями, вазами и кувшинами, а также тысячью всевозможных других предметов. Затхлые запахи грязи и камня пропитали воздух. Несмотря на полумрак, Белла разглядела, что в этой комнате царит полный хаос по сравнению с аккуратными рядами величественных скульптур в бальном зале. Предметы здесь были меньше по размеру, и многие из них были разбиты.

Ее сердце упало. Если карта находится в этом беспорядке, то понадобятся месяцы, а то и годы, чтобы ее найти. А Эйлуин может прогнать ее из дома всего через две недели.

Или, возможно, даже раньше. Похоже, он уже сожалеет о том, что нанял ее.

– Ваша задача – каталогизировать каждый предмет в этой комнате, – сообщил герцог, устремив на нее суровый взгляд. – Мне нужна письменная оценка того, что нужно сделать для их восстановления. И имейте в виду: все здесь имеет историческую ценность. Вы ничего не должны выбрасывать в мусорное ведро. Это понятно?

– Да, я этому научилась, работая с отцом. Даже крохотный осколок керамики может дать ключ к разгадке того, как люди жили в прошлом.

– Раз уж об этом зашла речь, вы можете начать с сортировки керамических осколков вон в тех ящиках.

Эйлуин указал на штабель деревянных ящиков у окна, а потом развернулся, словно собирался уходить. Отчаянно нуждаясь в информации, Белла преградила ему путь. Она должна разговорить его!

– Могу я раздвинуть портьеры, ваша светлость?

Он наградил ее испепеляющим взглядом.

– Конечно. Это само собой разумеется.

Майлз хотел было протиснуться мимо нее, но Белла не сдвинулась с места.

– Возможно, вы сочтете это глупым вопросом, но я просто хотела убедиться, что солнечный свет не повредит каким-нибудь реликвиям. Документам, например. Египтяне делали записи, только вырубая их в камне? Или они использовали что-то вроде бумаги?

– Папирус, – коротко ответил Эйлуин. – Он был сделан из тростника. Но в этой комнате вы такой бумаги не найдете.

– А-а... Стало быть, вы храните папирус в другой комнате.

Его темные брови сердито приподнялись.

– У меня есть коллекция папируса. В основном это погребальные свитки из гробниц и фрагменты других документов.

– Подумать только, они выжили в течение тысячелетий! – Надеюсь, что смиренная мольба смягчит Эйлуина, Белла сплела пальцы прямо под грудью. – Могу я получить ваше разрешение посмотреть... на папирусы... как-нибудь?

Его угрюмый взгляд устремился на ее грудь, прикрытую скромным платьем с высоким вырезом. Кстати, выражение его лица стало еще более враждебным, когда он снова посмотрел Белле в глаза.

– Ни в коем случае! Эти бумаги крайне хрупкие. Никто, кроме меня, к ним не прикасается.

– Я не собираюсь к ним прикасаться, ваша светлость. Отец научил меня быть осторожной, имея дело со старыми документами. И простое созерцание папирусов стало бы для меня важным уроком древнеегипетской истории. Где они хранятся?

Герцог приподнял брови, словно ее настойчивость показалась ему подозрительной.

– В кладовой западного крыла. Это часть дома, куда вам строго запрещено заходить.

– Запрещено?

– Вы меня слышали.

Эйлуин сделал шаг вперед, так что теперь их разделяло расстояние не шире волоска. В его темных глазах вспыхнул такой яростный огонь, что Белла была ошеломлена. В ответ ее сердце бешено забилося, у нее перехватило дыхание и тут же закружилась голова. Она убеждала себя сделать шаг назад, но ощутила такое оцепенение, что не могла двигаться. Особенно когда он поднял свою большую руку, взял ее лицо в ладонь и погладил ее щеку большим пальцем, отчего все ее тело затрепетало.

Майлз нежно провел кончиком пальца по изгибу ее губ.

– Герцогские апартаменты расположены в западном крыле. Это мои владения. – Эйлуин понизил голос до вкрадчивого рычания. – Слушайте и запоминайте, Изабелла Джонс. Если вы посмеете хотя бы одним своим красивым пальчиком ступить в мои личные покои, я сочту, что вы пришли, чтобы разделить со мной постель.

* * *

Поздним утром следующего дня Белла извлекла из ящика осколок керамики, хранившийся в соломенном гнезде. Держа черепок на ладони, она изучала его в лучах солнца, проникавшего в комнату сквозь оконное стекло. Потускневшие черные линии раскрашенного рисунка позволили ей сопоставить его с определенной группой предметов.

Белла наклонилась, чтобы положить осколок в одну из маленьких куч, усеивавших пыльный деревянный пол. Систематизация беспорядочной смеси разнообразных осколков была похожа на сборку головоломки, и Белла сочла эту работу приятной задачей. Перебрав содержимое множества ящиков, она обнаружила всего пятьдесят два разбитых терракотовых сосуда. Когда все кусочки какого-нибудь горшка или кувшина были собраны, она осторожно переносила их в ящики поменьше – на случай, если Эйлуин когда-нибудь захочет их склеить.

Эйлуин...

Одна лишь мысль о нем заставляла ее содрогаться... от праведного негодования. Она не видела герцога с прошлого утра, когда он привел ее сюда, в эту комнату только лишь для того, чтобы ошеломить своей звериной угрозой. Белла изо всех сил старалась забыть этот инцидент. Он не прогонит ее из этого дома, даже если заставит выполнять самую грязную работу.

Весь день она старательно занималась сортировкой керамики, обедала с подноса в своей комнате, а вечер провела за изучением книги о Древнем Египте. Но как только она задула свечу у своей кровати, мучительные воспоминания вернулись: плотский жар в глазах Эйлуина, его большое тело, прижавшееся к ней, когда он протискивался мимо нее к двери, тепло его мозолистой руки на ее лице и особенно на губах.

И самым возмутительным был его ультиматум. «Если вы посмеете хотя бы одним своим красивым пальчиком ступить в мои личные покои, я сочту, что вы пришли, чтобы разделить со мной постель».

С этими словами он неспешно вышел из гостиной. С ее языка уже были готовы сорваться многочисленные реплики ему в ответ, но Белла вовремя спохватилась. Забросать его удаляющуюся спину оскорблениями означало бы подвергнуть риску ее работу. Герцог Эйлуин не тот человек, который стал бы терпеть неуважение служащего. Даже если оно было вполне заслуженным.

– Грязный пес, – пробормотала Белла, направляясь к ящику, чтобы выбрать очередной фрагмент керамики.

Она приняла решение трудиться с усердием несколько дней, чтобы доказать, что с ней стоит иметь дело, и унять любые подозрения, которые могли появиться у него в результате ее вопросов. Не стоит слишком быстро начинать свою игру. Но ей безумно хотелось обыскать кладовую, где он хранил коллекцию древних папирусов. Это было самое логичное место, чтобы начать с него поиск карты сокровищ. Беда в том, что герцог категорически запретил ей входить в западное крыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На самом деле «Рамаяна» написана на санскрите, который оказал глубокое влияние на хинди. (Здесь и далее примеч. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/dreyk_oliviya/krasavica-i-chudovische

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)